

Рэмма Коган

Одесса

Украина

Интервьюер: Александр Тонконогий

Дата интервью: Июнь, 2003

*Сегодня 20 июня 2003 года. Я, Александр Тонконогий провожу интервью с Рэммой Моисеевной Коган.*

*Рэмма Моисеевна, знаете ли вы что-то о своих прабабушках и прадедушках, если знаете, что-то, то расскажите, пожалуйста, о них?*

Да, у меня есть сведения. Мой прадед, отец матери моего отца Хаим – Дувид Литинский родился в 1831 году в Новомиргороде. Умер в 1906 году в возрасте 75 лет от крупозного воспаления лёгких в Новомиргороде. Моя прабабушка Хася–Этиль Литинская, мама матери моего отца родилась в 1838 году, в Новомиргороде. Умерла в 1909 году от рака щеки в Новомиргороде. О других прабабушках и прадедушках мне неизвестно.

*Рэмма Моисеевна, вот я вижу у вас в руках фотография. Вы можете сказать, кто на этой фотографии?*

У меня есть семейная фотография моего отца. На ней сфотографированы отец и мать моего отца, 6 братьев и родная сестра. Кроме того, родная сестра была замужем. Значит её муж и первая дочь. Значит, я могу перечислить, кто братья: Лев, Григорий, Яков, Давид, Моисей и Анатолий и его родная сестра Розалия, её муж Юлий Белоцерковский и их дочь Итилия, которая была названа в честь своей бабушки.

*Где она была сделана, эта фотография?*

Эта фотография была сделана по их месту жительства, в городе Новомиргороде.

*Теперь давайте поговорим об отце вашего отца, вашем дедушке?*

Мой дедушка по линии отца, по линии Когана – Коган Мордко жил в Новомиргороде, служил приказчиком в мануфактурных магазинах Новомиргорода и на выезде, в Фундуклеевке. Работой своей он тяготился и был убит в еврейском погроме 19 мая 1919 года, в возрасте 54 лет. По рассказам моего отца, дедушка был родом из местечка Богуслав Каневского уезда Киевской губернии, а нашем Новомиргороде человек он был пришлый. Детство у него было трудное, мать он потерял рано и воспитывался мачехой, настоящей мачехой. Он был дальним родственником Шолом-Алейхему (Рабиновичу), нежно любил его и прекрасно читал его произведения на еврейском языке. До сих пор в ушах моего отца голос дедушки, читающего с неподражаемой интонацией: «Мне хорошо, я сирота». «Как попал дедушка в семью Литинских, родителей моей матери?» для моего отца до сих пор непонятно. Уж очень неподходящим человеком был дедушка для этой семьи.

*Не знаете ли вы по рассказам отца, как одевался ваш дедушка, как он выглядел вообще?*

Отец мне рассказывал, что дедушка был маленький, щупленький, с темно-русыми волосами, окаймлявшими голову, аккуратную, розовую лысину, рыжеватой - реденькой бородкой, с плешью на подбородке и голубыми скорбными глазами. Таким он предстаёт перед взором моего отца. Мой отец неоднократно рисовал мне его портрет после его смерти, рисовал его по памяти,

не пользуясь никакими фотографиями. Их, собственно говоря, у отца совсем и не осталось, за исключением одной, на семейном снимке, где он изображён в сюртуке, слишком импозантным, несколько чужим.

*Почему ваш дедушка не подходил к семье вашей бабушки, матери вашего отца?*

Дед Литинский, дед Литинский – прадед, прадед и в особенности старшие его сыновья, братья бабушки отца, были людьми гордыми, надменными, нелюдимыми. Дед моего отца к концу жизни малость прогорел, но двое дядьев его по матери были богатыми купцами. Капитал одного измерялся полумиллионом рублей – это в царское то время. Были и другие братья и сёстры у прабабушки, но то уже было мелкота. Отец же моего отца был человеком простым, добрым, чрезвычайно общительным, общественные дела поглощали значительную часть его жизни. Он пользовался значительным доверием еврейской общины, и был постоянным главой третейского суда. В те времена евреи не особенно охотно пользовались царской фемидой, и мировые не вызывали доверия у них, поэтому большинство, подавляющее большинство конфликтов между евреями решались третейским судом, постановления которого уважались паче всяких правительственных законов. Объективность и справедливость отца моего отца ценилась его согражданами. Его отец всегда был защитником бедных, и остро презирал богатеев. Как не пытались богатые родственники моего отца вывести в люди - ничего не получалось. Он не умел ни воровать, ни грабить, ни обманывать, ни обсчитывать, ни спекулировать. Несколько раз понуждали нас открыть собственное дело. Ссужали деньгами, но он неизменно прогорал. На службу его охотно брали к себе купцы. Не только, как купцы Новомиргорода, но и купцы таких городов: Фундуклеевка, Вознесенск и другие. Служил он большей частью приказчиком в мануфактурных магазинах. Вставал отец отца рано, раньше всех до рассвета, то есть задувал самовар, и садился пить чай. Чай пил вприкуску – стаканов 5,6, ничего при этом, не евши, потом заворачивал в газету тощий завтрак и уходил на работу. Завтракал он на работе часов в 12, приходил с работы к вечеру и тогда обедал, и так из дня в день, всю жизнь. За исключением тех дней, когда он ездил с хозяином в Киев на «контракты», так называлась ярмарка в Киеве, либо куда-либо, либо в праздничные дни, либо в дни безработицы. После обеда дедушка читал газеты. Бедный дедушка, чего только ему не доставалось от бабушки, своей жены, за эти газеты. Трудно было бабушке кормить, поить, одевать, обстирывать семью из 9 человек на 40-45 рублей жалованья дедушки. Какие только попреки и жалобы не сыпались на его бедную голову, когда он, водрузив на нос огромное пенсне и, зарывшись в газеты, погружался в мир политических страстей. Политикой он увлекался до самозабвения. Мой папа рассказывал, что они очень жалели своего папу, как-то, заметив наше недовольство попреками отца, мать тихо сказала: «Разве это я кричу, это горе моё кричит». Её самолюбие страдало от нашего скромного, весьма скромного образа жизни. Отца моего отца это весьма мало трогало, были бы сохранены честь и незапятнанное имя. Честность его бы могла быть эталоном для своих детей. Он воспитывал их в этом же духе.

*Соблюдал ли ваш дедушка еврейские традиции. Был ли он религиозен, молился ли он?*

Отец моего отца был весьма образован и начитан в еврейской литературе, древнееврейском писании, хорошо читал и отлично, красиво, писал по-русски, и левой рукой – он был левшой.

В случае возникновения, тонких, каверзных вопросов сограждане моего дедушки - евреи, пожалуй, не менее часто обращались к дедушке, чем к раввину, но и русские люди также очень уважительно относились к нему. Знали, что он поступит по совести, независимо от национальной принадлежности того или иного лица. Он и в детях своих воспитывал уважение к нравам и обычаям других национальностей. Вспыльчив он был, как и многие добрые по натуре люди. Невероятно, не помню по какой причине, он однажды избил в коридоре гостиницы воинского начальника. Так назывались начальники воинского присутствия, возглавлявшие комиссию по призыву в армию. Воинский начальник этот полковник по званию «съел» это без сопротивления и протеста. Я думаю, что он совершил какую-то подлость. Детей он не бил вообще, но в гневе мог побить весьма основательно и даже неосмотрительно. После революции, которую дедушка приветствовал, он стал служить в кооперативе. Появились новые надежды, новые мечты. Мечтам дедушки не суждено было сбыться. Он был зверски убит в погроме 19 мая 1919 года. Убит звероподобными существами, не имеющими право на звание человек. Скотоподобные, двуногие, как много их ещё и до сих пор.

*Рэмма Моисеевна, вы не знаете, кто делал эти погромы?*

Нет, мне об этом ничего неизвестно.

*Что вы можете рассказать о вашей бабушке по отцовской линии? Как она выглядела, как она одевалась, кто она была вообще по специальности?*

Как это ни странно, но внешний облик бабушки не так чётко и рельефно сохранился в памяти отца, как образ его отца. Странно это потому, что мать всё время была с ними. Была более близка по духу, сути и вкусам. Воспитывала и обучала детей, была верховным судьёй и кулинаром всей семьи. Была гораздо более глубоко и нежно любима. Кроме того, она умерла через 3 года после смерти отца, когда мой отец был уже взрослым двадцатидвухлетним человеком. Вероятно, это было потому, что в сознании моего отца, его братьев и сестры было два образа: молодая, сильная духом и телом, красивая, строгая и старая, сломленная горем и болезнью, упавшая духом, умирающая, но всё же прекрасная. Каждый из этих образов мой дедушка видел в отдельности, но они часто сплетаются в сознании моего отца в споре, противоборствуя, то, сливаясь, то снова разъединяясь. Мой отец, никогда поэтому, и не пытался рисовать её портрет. Не углём, ни красками, нужно было рисовать, по меньшей мере, два. Так отец решил писать о ней. Она выше среднего роста, с тёмными, немного волнистыми волосами и выпуклым, большим лбом над карими, близорукими и потому слегка прищуренными, усталыми глазами и прямым носом, всегда плотно сомкнутыми губами. Такой была мать моего отца в молодости. Весь облик её как бы символизировал волю и настойчивость. Её побаивались за недюжинный ум и острый язык. Как вышла замуж она за моего дедушку - доброго и мягкого неудачника - этот вопрос занимал ум моего отца ещё в раннем отрочестве. Она резко отличалась от всех своих сверстниц. Получив образование в двухклассной церковно - приходской школе, как и многие другие, она, присматриваясь и прислушиваясь к учёбе своего младшего брата-гимназиста, а потом студента и врача, сумела стать на голову выше своих землячек и подруг. Жажда знаний у неё была поистине неуёмной. Она хорошо знала русскую, меньше иностранную литературу, знала немного по латыни, французский, немецкий. Хорошо знала русскую историю, немного иностранную, географию, ботанику, зоологию, арифметику. Читала она много, несмотря на изнуряющий труд, очень любила и знала художественную

литературу. В доме у бабушки собирались всегда по вечерам революционно настроенные молодые люди: эсдеки, эсеры, анархисты, и даже сионисты. Последних бабушка не очень жаловала. Читали, спорили до глубокой ночи, пели революционные и разные другие песни. Нельзя сказать, чтобы бабушка отдавала предпочтение какой-либо из групп, она уважала свободу мысли. Она то и привила детям любовь к образованию, к чтению художественной литературы. Дети очень рано познакомились с Львом Толстым, Тургеневым, Достоевским, Кропоткиным, Степняком-Кравчинским, Войнич, Белинским, Герценом и многими другими революционными демократами. Томики издания «Нива» не сходили с полок стеллажей: Чехов, Короленко, Куприн, Горький, кто только не владел умами детей, их воображением. Детей мать любила до самозабвения, но вместе с тем была с ними строга, требовательна, даже жестока, отец ещё долго ощущал жёсткие пальцы матери на своих ушах, долго ощущал и нежную теплоту её губ, касающихся лбов детей, каждого из своих детей ежевечерне. В школу детей готовила она сама, начиная с азбуки. Ярко встаёт перед моим отцом такая картина. Сидел он в столовой за столом, читал очередной раздел из хрестоматии. Дверь в кухню открыта, там пылает русская печь.

*Была ли ваша бабушка по отцовской линии религиозной?*

К религии бабушка была равнодушна, догматов и запретов еврейских законов она не признавала, в доме смешивали и мясную, и молочную пищу. Однако для декорума соблюдались необходимые праздники и обычаи. Для декорума, а не по убеждению или невежеству. Сильная характером бабушка не признавала ни власть имущих, ни богатство имущих. Авторитетом для неё лишь служил лишь разум. Она страстно желала, чтобы дети её получили высшее образование, и делала всё возможное и невозможное для достижения этой цели.

*Рэмма Моисеевна, скажите, пожалуйста, когда и где родилась ваша бабушка по отцовской линии?*

Бабушка родилась в 1864 году, а где, я не знаю.

*А где познакомились ваша бабушка с дедушкой?*

Я думаю, что они познакомились в Новомиргороде, возможно, она там и родилась.

*Была ли семья вашей бабушки с дедушкой материально обеспечена?*

У бабушки была трудная жизнь. Непрерывная нужда, изнурительный труд, забота о будущем детей и постоянная, тяжкая неудовлетворённость. Духовные запросы её были высоки, а жалкий быт так резко десонировал с ними. Однако худшее было ещё впереди. В мае 1919 года погиб её муж. Удар был в самое сердце. Мой отец тогда понял, что его мать любила его отца, любила, несмотря на то, что часто изводила его своими попреками. Смерть отца была началом угасания моей бабушки. Ей было всего 55 лет, как стала неметь левая рука, потом нога. Время было тяжёлое, материальная нужда, забота о будущем детей, оставались кроме взрослых ещё двое малышей: 10 и 12 лет. Всё это вместе с главным, утратой мужа, навалилось тяжким бременем на её, всё же женские плечи. Вся семья переехала к тётке, сестре бабушки, в город Звенигородку. Чем только не пришлось заниматься детям бабушки. Они научились шить дамскую обувь, писали плакаты и объявления. Служили в различных учреждениях, производили морковный и свекловичный чай, выполняли художественные заказы, короче, хватались за всё, что попадало под руку. Даже выступали на подмостках театра. А бабушка совсем слегла, лекарств совсем не было, а уровень медицины был низок, чего только дети не

предпринимали. Мой отец был главным массажистом, часами массировал ногу и руку своей матери, но она не вставала, очевидно, началось у неё со спазмов сосудов мозга, а кончилось инсультом и гангреной ноги. Болезнь медленно, но верно делала своё дело. Однако рассудок её ещё долго оставался совершенно ясным. В мае 1920 года белополяки вместе с петлюровцами стали в двух- трёх десятках километров от Звенигородки. Ждать пощады и милости от них семья не могла, и мой отец ушёл добровольцем в Красную армию, на фронт. Больше года отец не видел свою мать и не чаял уже увидеть её, но, вернувшись в 21 году в Звенигородку, узнал, что его мать с младшими братьями вернулась в Новомиргород, и живут всё там же. Моя бабушка приняла блудного сына так, как будто ничего не произошло, как будто он не оставил её беспомощную на попечении других братьев. Она понимала, что отец должен был идти на войну. Не было никаких упреков, были лишь слёзы радости, безмерной материнской радости. Голова её совсем поседела, она была пострижена, волосы красиво, крупными волнами венчали её прекрасную голову. Она очень исхудала, в фигуре её появилось что-то лёгкое, девичье, прекрасные глаза её выражали страдание, безмерное страдание. Она пала духом и стала поговаривать о боге. Мой отец не верил своим ушам. Мама и Бог. Часто плакала она, особенно при звуках музыки, и особенно траурной. И всё же - это была мама. Болезнь упорно и безжалостно делала своё дело, разрушая организм матери, (заботливая иногда), затмевая иногда её разум, но он часто вспыхивал с прежней силой, и по-прежнему удивлял. Осенью 1922 года она пожелала повидаться со своей единственной дочерью, жившей в Вятской Губернии. К бабушке приехала её единственная дочь со своей дочерью. В ноябре месяце бабушке стало совсем худо, разболелась парализованная нога, почернел один палец. Пригласили врача, пришёл знакомый доктор Коваленко, весьма опытный хирург, осмотрел ногу, вышел в другую комнату и тихо сказал: «Гангрена, через 3 дня она умрёт». Ужас охватил всех братьев. Рано умерла мать отца. Ей было всего 58 лет. Для детей, казалось, померкнул свет.

*Как похоронили вашу бабушку с дедушкой, по еврейскому обычаю или как?*

Как похоронили дедушку моего, сведений у меня нет, а о похоронах бабушки отец мне рассказывал. Страшны были минуты на кладбище, первые удары комьев земли об останки бабушки ещё до сих пор отдаются болью в груди моего отца. Не менее страшны были первые часы в опустевшем доме. Из него ушла душа, любимая душа. Отец, его братья и сестра не ставили каменных памятников, но память, память о бабушке, прекрасной, разумной, любимой не оставляла детей никогда, и в самые трудные минуты нелёгкой жизни моего отца, мой отец постоянно в мыслях обращался к ней. «Такой была женщина, подарившая своим детям жизнь, вдохнувшая в них душу живую, наша любовь, наш учитель и наставник, наша мать», говорил отец.

*Как звали мать вашего отца, т. е. вашу бабушку?*

Мою бабушку звали Хая-Лея Коган. Такова стала её фамилия после замужества.

*Как была девичья фамилия вашей бабушки?*

Девичья фамилия моей бабушки была Литинская.

*Рэмма Моисеевна, скажите, пожалуйста, в каком месте на фото расположены ваши бабушка и дедушка?*

Мои бабушка и дедушка сфотографированы в центре, бабушка в центре справа, а дедушка в центре слева.

*Рэмма Моисеевна, как вы думаете, какие банды могли убить в 1919 году вашего деда Мордко Когана? В то время были разные банды: петлюровцы, деникинцы, Махно, Советская власть тоже была?*

Точно я не знаю, но мне кажется, что эта была банда деникинцев.

*К какой из сестёр бабушки переехала семья вашего отца в Звенигородку?*

Семья моего отца в Звенигородку переехала к сестре Лере.

*Были ли у бабушки Хаи ещё сёстры и братья?*

У бабушки Хаи было 6 братьев и 3 сестры.

*Это их сыновья были гордыми и нелюдимыми, о которых вы говорили, что из-за них дед Мордко не подходил к семье Литинских?*

Да, я говорила о этих сыновьях.

*Рэмма Моисеевна можете ли вы ещё что-то рассказать о своём прадеде?*

Добавить к ранее сказанному.

Со слов отца я знаю, что прадед был коренастого, широкоплечего типа, седобородого, владельца магазина скобяных товаров, при этом хорошего слесаря в городе Новомиргороде. Был он гордым, независимым человеком. Однажды местный помещик назвал его жидом, за что был сброшен дедом на землю с высокого крыльца магазина.

*А про прабабушку Хасю-Этель вы можете ещё что-то рассказать?*

Да, могу. Моя прабабушка Хася-Этель была красивой, злой, нелюбимой сыновьями женщиной, и хоть она умерла, когда моему отцу было 9 лет, он помнит её гораздо хуже, чем прадеда, умершего, когда ему было 6 лет. У прадеда было 6 сыновей и 4 дочери.

*В каком году поженились ваши прабабушка Хася-Этель и ваш прадедушка Хаим-Давид?*

Они поженились в 1858 году в городе Новомиргороде.

*Расскажите, пожалуйста, о детях Хаим-Дувида и прабабушки Хаси-Этель, то есть о сёстрах и братьях вашей бабушки, матери вашего отца?*

Старший сын Хаима-Дувида - Литинский Мойше-Арон жил только 64 года и умер в 1923 году от инсульта. Довольно долго он страдал от общего склероза. Часто ездил на лечение за границу. Это был довольно крупный коммерсант угрюмый, нелюдимый, гордый. Он был довольно хорошо грамотный и по-еврейски, и по-русски. Имел ум насмешливый, острый. Был Гильдейским купцом. Его боялись и уважали и евреи, и русские. Даже сам пристав, высший полицейский чиновник лебезил перед ним. Женат он был дважды. От первой жены ушёл, не оставив потомства. Вторая жена была лучшей подругой сестры Хаи. Двойра - рыжеволосая, красивая, умная вышла замуж за него при активном содействии его сестры Хаи. Оба они очень подходили друг к другу. Оба дельцы – типичные для того времени стяжатели. Надо, однако, отдать им справедливость, раскулаченные революцией, они уразумели глупость прежнего своего существования и горько сожалели о зря потраченных годах своей жизни. Литинский Гершон, второй сын прадеда Хаима-Дувида, унаследовавший от отца лавку скобяных товаров – грубый, неотёсанный, малограмотный даже по-еврейски, типичный кулак и ханжа, толстые губы которого непрерывно шлёпались, читая молитвы, значение и смысла которых он не понимал, так как весьма слабо знал древнееврейский язык. Был он довольно туп и жесток. Приведу лишь один пример тупости, самоуверенности этого человека. Примерно в 1922 году комсомольцы соорудили первый в городе радиоприёмник. Установили его в клубе, подвесили репродуктор и пригласили граждан послушать радиопередачу. Пришёл Гершон, величественно уселся на

стул, но когда послышалась музыка и речь в репродукторе, встал и сказал: «Этого не может быть» и, негодуя, удалился. Был он женат на очень красивой, тихой женщине, смотревшей в рот мужу. Однако он, грубый человек боготворил свою жену. Народили они 6 совершенно разных детей. К одним они были очень привязаны, других они едва переносили. Умер этот Гершон в 1920 году от рака желёз.

Литинский Зельман был совсем другого типа человек. Он был значительно моложе и современнее старших братьев. Торговлю он не любил, и заниматься ею не хотел. Несмотря на попытки младших братьев наставить его на путь истинный, он работал кассиром в так называемом обществе взаимного кредита, таким доморощенным банком. Он вёл жизнь типичного, социального интеллигента того времени: с картишками, вечеринками и тому подобное. Женат он был на дочери владельца конной почты в соседнем местечке, очень неглупой, малость лицемерной женщиной была она. У них был один сын Михаил – друг молодости Зельмана

Литинский Сендер(Александр), четвёртый сын, так было написано в паспорте, был самым неудачником, но вообще он был симпатичным. Сендер никак не мог подобрать себе подходящий род деятельности. Это был мечтательный, задумчивый человек, торговать он не умел и не хотел. Был неудачно женат на тупой, малограмотной женщине, с которой прижил девочку Басюту. После долгих мытарств развелись с первой женой. Женился, где-то в районе местечка Смела и стал не то сам работать в ткацкой артели, где работала его жена, не то сам стал кустарём. Умерли они с женой неизвестно почему. Скорее всего, от свирепствовавшего в те времена сыпного тифа, оставив 2 дочерей: девочку Катю и мальчика, имени которого никто не знает. Мальчик бесследно исчез, а Екатерина Александровна Литинская жива.

Литинский Нисель, пятый сын, был глухой. Очень добрый и не очень полноценный человек, служивший у своего брата Гершона простым рабочим, и долго, и тяжело болел сердцем. Был одинок и очень любимый всеми родственниками. Умер он в возрасте 50 лет от водянки.

Любимый в семье Литинских, получил в царской России высшее образование, образование врача, профессию, считавшуюся тогда у евреев весьма престижной. Моя бабушка, Хая, его сестра, имела особые причины для исключительно высокого уважения и любви к этому брату. Именно он помог провинциальной девушке, выросшей в Ветхозаветной семье, приобщиться к братству русской культуры, и получить в домашних условиях довольно обширные знания. Он довольно рано покончил с жизнью. Говорили, что это было результатом неудачной любви к русской девушке. Большой портрет его в старой студенческой форме ещё долгое время висел на стене, пока в 1919 году погромщики не выкололи его глаза.

У Хаима-Дувида было 4 дочери. Они ещё больше, чем сыновья разнились друга от друга.

Хая-Лея Коган, первая дочь. Такова стала её фамилия после замужества. Это моя бабушка. Она была женщиной поистине незаурядной в Богоспасаемом городе Новомиргороде. Это признавали не только её сверстники, но и большая часть интеллигентной молодёжи города. Достаточно сказать, что не было ни одного литературного вечера, на котором бы не присутствовала она в качестве члена жюри. Человек огромной воли и высоких интересов, она вынуждена была довольствоваться жизнью жены мелкого служащего, каким был мой дедушка. Вечная нужда тяжким бременем лежала на её плечах всю её короткую жизнь.

Имея лишь двухклассное образование, она ухитрилась с помощью младшего брата своего, студента университета, одолеть большую часть гуманитарного цикла гимназического курса и передать всем своим детям неодолимую страсть к познанию.

Вторая дочь, Сура Фукс, так по мужу звали вторую дочь прадеда, то была добрая, обходительная, довольно лукавая, простая еврейская женщина без особых претензий, но не лишённая некоторой дозы лицемерия. Муж её Моисей торговал в своей железоскобяной лавке в городе Звенигородке, на Киевщине, где они жили. Помощников в лавке они не держали, обходились сами. Муж её был привержен картам и очень часто проводил в клубе целые ночи. У них было 4 дочерей и 2 сына. Сура Фукс со своим мужем погибли в Бабьем Яру в Киеве в 1941 году во время фашистской оккупации.

*Вы ошиблись, это к ней переехала Хая – Лея, ваша бабушка, к Суре, а не к Вере?*

Да, Хая-Лея переехала с семьёй к Суре. Вера Фукс, третья дочь, так по мужу звали третью дочь. Она была женщиной с образованием. Имела некоторое отношение к Марксистскому движению. В 1906 году она с несколькими людьми зарывала в сарае сундук с книгами и закрыла его потом дровами. Одна довольно тонкая книга при этом выскользнула из сундука, и мой отец тихонько подобрал её, сунул под рубашку и убежал домой. Была книга в обложке цвета крокодиловой кожи, и когда мой отец открыл её, то было написано «Фридрих Энгельс. К вопросу о положении рабочего класса в Англии». Вера вскоре вышла замуж за студента Швейцарского университета, звенигородтянина, Фукса, и уехала с ним за границу. В начале 20-х годов она приезжала к своему старшему брату, родила девочку и вскоре уехала к мужу в Швейцарию. Они потом переехали в Париж, и связь с ними была прервана. Четвёртая дочь, Эстер, последняя дочь прадеда Литинского была неполноценным существом, глухим, беспросветно тёмным и грязным. Жила она у своего старшего брата не то в приживалках, не то в прислугах. Умерла в 1923 году.

*В каком году вышла замуж ваша бабушка Хая-Лея за Мордко Когана?*

В 1882 году.

*Где они жили после женитьбы?*

Они после женитьбы жили в Новомиргороде.

*Вы говорили, что у них было 7 детей, кто из них был самый старший?*

Самая старшая была сестра Розалия. Она родилась в 1883 году в городе Новомиргороде.

*Где она на фото находится, вы не можете сказать?*

На фото она крайняя слева.

*Перечислите, пожалуйста, всех детей вашей бабушки и дедушки по отцовской линии.*

Как я уже сказала, старшей была сестра Роза 1883 года рождения. За ней идёт брат Лев 1891 года рождения. Гриша 1895 года, Яша 1897 года, Моисей 1900 года, Давид 1905 года и Толя 1909 года.

*Где они находятся на вашей семейной фотографии?*

На семейной фотографии крайняя слева Роза, затем по старшинству сверху слева - Лёва, сверху справа - Григорий, затем Яков - справа во втором ряду, Моисей - слева во втором ряду - это мой отец. В первом ряду младшие братья – это Давид и справа Анатолий.

*Теперь поподробней поговорим о каждом из братьёв и сестёр вашего отца?*

Розалия, единственная дочь, по образованию – провизор была замужем за инженером Юлием Ефремовичем Белоцерковским. Дети её Отилия – инженер-электрик погибла в катастрофе в возрасте 60 лет, Давид кандидат наук-астроном, Марк кандидат географических наук и Ольга – научный сотрудник, географ, ныне на пенсии. Розалия умерла в 72 года, муж её Юлий в возрасте 93 лет.

Далее идёт Лев, старший сын Хаи-Леи - врач-хирург, умер в возрасте 75 лет. Был женат на своей двоюродной сестре Реввеке Фукс – преподавательнице немецкого языка. Умерла в возрасте около 80 лет. Их сын Людвиг - кандидат философских наук, женат на Ольге Мефодиевне Лучко - преподавательнице истории. Их дети Наталья и Юрий.

Далее Гриша, второй сын – врач-хирург. Погиб на фронте Отечественной войны. Был кандидатом медицинских наук, доцентом Киевского Медицинского института. Был женат на своей двоюродной сестре Мариам Фукс - медицинском фельдшере. Их дочь Лидия замужем за инженером, дети, которых Григорий и Светлана.

Моисей, третий сын, речь идёт о моём отце.

Яков, четвёртый сын, инженер-теплотехник. Был женат на Коган Софье, кандидат физ.-мат. наук, доцент, умерла от рака. Их дети: Галина – инженер и Ольга - научный сотрудник Металлургического института. У Галины 2 дочери, у Ольги – 2 сына.

Давид, пятый сын - железнодорожный техник, командир взвода противотанковых ружей. Погиб в обороне Ленинграда в 1941 году.

И Анатолий инженер-радиотехник, занимал ряд высоких постов в Министерстве Связи, вернее на предприятиях Министерства Связи. Женат на Марии Фёдоровне Свиридовой. У них дети: Нелли – пианистка, преподавательница в школе, музыкальной школе, замужем за способным техником, не имеющим специального образования. У них сын Михаил, Валерий скрипач, закончил консерваторию, женат, имеет двух детей, Сергей – скрипач женат, окончил консерваторию, женат, имеет 3 детей. Оба сына работают в Куйбышевской филармонии. Жена Анатолия, Мария Фёдоровна по образованию инженер связи, практически не работала и посвятила себя семье. Национальный вопрос в семье играл, какую-то комическую роль.

*Почему национальный состав в вашей семье играл такую роль?*

Наша семья многонациональна. Например, Анатолий, младший брат отца женат на русской, а их сын женился на армянке. Кто, получается, по национальности дети Сергея.

*Кто по национальности( сыны и) жёны братьев отца и муж Розы?*

Жёны братьев отца все еврейки, а муж сестры еврей.

*Где на фотографии находится семья Розалии?*

Семья сестры находится во втором ряду на фотографии. Муж её вторым справа, а сама Роза во втором ряду слева, кроме того, во втором ряду сфотографирована их первая дочь, Итилия.

*Где родились дети Хаима-Дувида и Хаси-Этэль?*

Дети Хаима-Дувида и его жены родились все в Новомиргороде.

*Где обучились еврейской грамоте дети Хаима-Дувида, то есть сёстры ,братья бабушки?*

Точных сведений у меня нет, но думаю, что они учились у своих родителей.

*Какого года рождения брат вашего отца Яша, 1897 или 1997 года?*

Брат отца Яша родился в 1897 году.

*Так, кто был самым любимым сыном Хаима-Дувида и Хаси-Этель?*

Самым любимым сыном был младший сын Ицхок-Лейб.

*Как звали мужей Суры и Веры?*

Сурын муж был Мойше Фукс, а Верин муж был Соломон Фукс. Между собой мужья были родными братьями.

*Лев, брат отца, был женат на Реввеке? Чья это была дочь?*

Реввека была дочь Суры и Мойши.

*На чьей дочери был женат Гриша?*

Гриша был женат на дочери Суры и Мойше, и звали её Марьям.

*Был ли женат (ваш брат) дядя Давид, который погиб на фронте в 1941 году?*

Мой дядя Давид не был женат.

*Когда и где родился ваш отец?*

Мой отец родился 28 апреля 1900 года в городе Новомиргороде.

*Он вам рассказывал что-то о своём детстве?*

Он помнил своё детство, начиная с 5 лет. О нём, о своём детстве он писал в своих мемуарах. Отец писал: «Мне около 5 лет. Наверняка, не больше, так как казаки пришли к нам для усмирения крестьян в 1906 году. На мне длинная рубаша из клетчатой материи, которая называлась «столетие». Штанов нет. Я ещё хожу без штанов. Я очень мал, а голова у меня очень велика. Во всяком случае, она постоянно перевешивает моё тело, и я вечно падаю вниз головой, поэтому меня зовут головастиком. Я - резонёр, падая и ушибаясь, я сажусь на место падения, негромко плачу и приговариваю: - Було б тобі не лізти, так ти б не впав, так ти б не вдарився, так ти б не плакав. Мы, дети, говорили по-украински, вернее, на том «суржике» – смеси украинского и русского языка, на котором говорило местное население. В углу двора, где мы жили – ледник, глубокая яма ещё с зимы забитая льдом, закрытая соломой. Над ямой камышовый шалаш, передняя стенка его деревянная, небольшая дверь не заперта. Я приоткрываю её, заглядываю в таинственную темноту, и лечу головой вниз. Солома предохраняет меня от ушиба, но я реву, реву со страха. Мой рёв услышали, вытащили и крепко отшлёпали, а я разве виноват, виновата моя голова, вечно она тянет меня вниз. А вот я уже постарше, мне купили лакированные сапожки, меховую, казацкую шапку с красным верхом и кистью, спускающейся на ухо. Штанишки заправлены в голенище и перекинуты показачьи через их верх, рубашка подпоясана чёрным поясом, какой-то озорной мальчишка мелом рисует на задниках моих сапожек вместо шпор грязные слова из трёх букв. Опять меня наказывают, а я не знаю, за что. Он ведь обещал нарисовать шпоры. Казаки оставили неизгладимый след в моей памяти, пришли они в дни, когда над городом висела тёмная тревога, а, может быть, тревога поднялась в моём детском сердце уже тогда, когда я увидел конный строй, суровый, бородатый, с зелёными шашками и ружьями. Среди них были калмыки – темнолицые, страшные, в кудлатых шапках, каких мы ещё не видели. Люди говорили - пришли каратели. Я хорошо запомнил слово – каратели, и оно ассоциировалось в моём детском мозгу с украинским – кат, палач. Офицеры резко отличались от остальных казаков. Они были такие нарядные, в ослепительно белых фуражках с кокардами, красивые, статные. Офицеры расквартировались в домах в центре города, где жили казаки, я не помню, кажется в палатках. Всё утро на плацу происходили учения. Мы, мальчишки, глазели на них в страхе и упоении. Казаки рубили лозу пиками, кололи чучело, на полном скаку слетали с сёдел на землю и тотчас же снова вскакивали в седло, проползая под грифом лошадей каким-то чудом, неслись по кругу во весь

карьер. Офицеры пили зубровку, бросая в окна пустые бутылки, плясали под гармонь или граммофон. Временами казаки куда-то уходили, город пустел, потом снова возвращались. Однажды после такого похода казаки вернулись какие-то хмурые, сникшие, впереди отряда шла телега, в ней на соломе лежал офицер, прикрытый шинелью, лицо было закрыто белой фуражкой с красной кокардой. Он стонал, как потом я узнал – это крестьяне не то села Панчева, не то села Панеж, Новомиргородской области покарали карателей вилами и косами. И снова по утрам на плац выходил калмык – горнист, снова сзывал казаков на учение, а офицеры опять пили зубровку, и танцевали под звуки граммофона, кидали пустые бутылки в распахнутые окна. Так продолжалось до зимы, потом казаки ушли. Когда я заболел брюшным тифом – это была первая серьёзная болезнь, перенесенная мной, потом их было много. Вместе со мной болели старший брат Гриша – он был старше меня на 4 года и младший Яша – этот был моложе меня на 2 года. Болели мы тяжело и долго, до сих пор я ощущаю холод клеёночного пузыря со льдом, лежавшего тогда у меня на голове. Мы ещё ходить по настоящему не могли после болезни, тогда я полез в драку с Гришей. Он был ужасно въедлив и проказлив, обижал младших. Ну и я его и стукнул по голове металлической головкой пузыря для льда. Поднялся крик, меня наказали, а наказать следовало его. Так часто наблюдал я несправедливость всех решений родителей, которых я обожал и решил вырасти справедливым. Не знаю удалось ли это мне, но славу борца за справедливость я скоро снискал в нашей семье. Говорили, что в раннем детстве я был красивым ребёнком. Я даже видел фотографию семьи моего деда – это был целый клан. Там я сидел у ног деда. Рука его лежала на моей голове, волосы у меня были светлые до плеч, и мордашка была действительно приятная, но помню я себя некрасивым, большеголовым, веснушчатым, малорослым, мальчишкой, болезненно застенчивым. Застенчивость моя принесла мне много неприятных минут. Так было лет до семнадцати. Потом как рукой сняло. Учился я в высшем начальном училище. В школу поступал дважды из-за этой проклятой застенчивости. В первый раз я на вступительном экзамене, я что-то мямлил невразумительное, опыт и конечно не был принят, а знал я значительно больше многих своих сверстников. В школьной жизни был у меня значительно раньше поступления в русскую школу, но то был совсем особый опыт. Лет шести меня отдали в еврейскую школу - хедер. Вступительные экзамены туда не требовались. Дети всех благочестивых евреев обязаны были посещать хедер. И как бы трудно не жилось, родители кровь из носу обязаны были учить своих детей Ветхому Завету, и платить за обучение учителю “Ребэ”. Плата обычно бывала сходная. Школа состояла из двух комнат. В большой учились старшие мальчики, так они и назывались старшие, в меньшей – мелюзга. Учитель был один, но был у него помощник – бегельферб, что по-еврейски означает - не то помощник, не то подручный, а в общем старший, куда пошлют. Помощник часто на руках приносил в хедер малышей, учил нас алфавиту. Водил по нужде за дом. Был это высокий, узкогрудый, чрезвычайно бледный, рыжий, со свалывшейся бородкой и грустными глазами человек. В младшей группе я задержался недолго. Лет с восьми, а, может, мне и не было восьми, я уже изучал Библию в старшей группе. Остались позади буквари с картинками. Вместо них появились толстые фолианты – Химеша, то есть Библии. Однако до сих пор мне лучше помнятся страницы букваря, Химеш же я забыл совершенно. И когда украинский крестьянин говорил балагурщик, имея виду извозчика, я отлично знал, откуда это слово пришло к дядьке. “Баал Аголо” по-древнееврейски

означает дословно хозяин телеги. Местные евреи произносили скороговоркой - Балагур, Балагун, ну а у местных крестьян уже получилось. Может ли подумать москвич, что столь любимый им сорт хлеб - хала назван так потому, что по-древнееврейски слово хала означает булку – кулич. Так до сих пор помню я отдельные слова из древнееврейского словаря. Хотя уже давно, очень давно, лет это так 60 расстался с еврейской грамотой. Живу и мыслю, как русский человек. С хедером я расстался в возрасте 9 лет. Мне там претило всё, и старый Рэбе, колотивший нас палкой, и мутные, глупые рассказы Библии, а я уже тогда отлично понимал всю наивность библейских притчей, и вздорная писанина деловых писем на жаргоне. Я набивал чернильницу так, что было невозможно писать. Развлекал моих товарищей болтовнёй во время занятий, а в хедере зимой занимались допоздна, до позднего вечера, приклеивал бороду Рэбе к столу, когда он бывало задремлет и при разборе комментария к Библии “Рашэ.” Канцелярский клей действовал безотказно и быстро, высыхал, когда кто-нибудь стукнет по столу. Рэбэ дернёт головой, и несколько волосков из бороды оставались приклеенными к столу. И вот однажды, когда рэбэ незаслуженно перетянул меня палкой по спине, разбив при этом пуговицу на хлястике шинели, я возмутился, вскочил на стол, отбил каблуками дикий танец, за мной бросились все мальчишки, навалились на меня, прижали так, что невозможно было открыть дверь. А Рэбе очнулся, подскочил в темноте к нам, и стал крестить всех палкой, куда попало. Наконец, мы распахнули дверь, выскочили во двор, заперли наружную дверь, закрыли ставни и убежали, оставив Рэбэ, запертым во флигеле, где помещалась наша школа. На этом моё образование кончилось. Рэбэ пришёл к отцу с жалобой на меня, но отец резонно ответил, что учитель, не умеющий возбудить в своих учениках уважение к себе, не имеет права учить детей. Совсем другое представляла русская школа, куда я поступил уже в десятилетнем возрасте. Это было четырёхклассное высшее начальное училище Министерства Народного Просвещения. Скажу сразу же школа эта или, как её называли, Новомиргородский университет, работала по великолепному учебному плану и отличным программам по предметам. Она выпускала весьма грамотных, развитых молодых людей. Люди получали образование в том случае, если эти люди желали получить образование. Программа русского языка включала также теорию словесности и церковно-славянский язык. Мы научились писать вполне грамотно, а я по окончании школы писал сочинения для гимназисток нового педагогического класса. Программа по математике и арифметике включала также и алгебру до решений систем уравнений включительно, и геометрию, планиметрию и стереометрию. На геометрию, почему-то был особый упор. Был и довольно порядочный курс физики, а физический кабинет наш мог сделать честь любой гимназии. Тут были и Магдебургские полушария, и электроскоп, и Лейгенские банки, и фотокамера, и разные другие приборы и аппараты, включая трансформатор Тесла и электроприбор, катушку Румпорфа. Химию мы не изучали, зато был огромный курс естествоведения, географии, истории, преподавались рисование, черчение, французский язык и пение. Старший стражник из отставных унтеров, грудь колесом, обучал нас оружейным приёмам, военному строю и физическим упражнениям, орудовали мы потешными, деревянными ружьями, и однажды исправно маршировали в присутствии губернатора на открытии памятника царю Александру Второму. Инспектором нашего училища был Александр Арксентьевич Рыбаков – дюжий мужчина лет около пятидесяти с окладистой, ярко-рыжей бородой, маленькими, голубыми глазками и огромной,

блестящей, розовой лысиной. Верный слуга царю-батюшке на этом посту, с козлиной бородкой либерала – хохла Ивана Дмитриевича Болтенко. Жил он при школе в отдельном флигеле с толстухой – дурой женой, которая часто, чистя на переменах, чистя картошку, легко рассказывала нам давно знакомые сказки. Детей у них не было. Жили замкнуто, скупой и скучно. Учителя наши часто менялись, и почему-то не удерживались лучшие. Очень быстро исчез с нашего горизонта учитель русского языка Иван Семёнович Кондурашкин. Брат писателя Кондурашкина, о котором писал Фурманов в своей книге “Чапаев”. После одной замечательной сцены исчез и учитель истории, любимый всеми нами Иван Петрович Турченко. Это был высокий сероглазый шатен с удивительно лучистым выражением лица, когда он строго глядел на нас. А сцена была такая. Рассказывал нам Иван Петрович о 60-х годах прошлого столетия и, говоря об освобождении крестьян от крепостной зависимости, произнёс фразу, запомнившуюся мне на всю жизнь: “Если бы царь Александр не освободил крестьян, они бы в топоры пошли, и сами бы освободились. Как раз в то самое время, когда наш любимец произносил эти слова, дверь нашего класса приоткрылась, в неё просунулась рыжая, лысая голова инспектора. Больше мы Ивана Петровича уже не видели, его сменил другой, тоже Иван Петрович, но Шевченко. Это был махровый черносотенец, выродец, какой редко встречался среди учителей нашей школы, но о нём несколько позже. Учительница русского языка, Александра Ивановна Орлова тоже недолго продержалась у нас. Она в некоторых классах также преподавала историю. Была она высокой, стройной, красивой и очень молодой женщиной. Она слегка заикалась, а в волнении очень сильно. Александра Ивановна окончила где-то институт благородных девиц и очень любила рассказывать нам о годах, проведенных там. Конечно, в рассказах своих она сильно идеализировала институт, своих учителей и подруг. Мы понимали это, но добродушно прощали ей эту слабость. Один только брат мой Гриша, учившийся в четвёртом классе, не мог спокойно слушать её рассказы и всячески издевался над ней: “А это было там, где реки из молока текут, а берега кисельные?” – бывало, подаёт он реплики во время её рассказов. “Коган, выйди из класса”, сердилась Александра Ивановна. Другой раз, отвечая ей урок по истории, Гриша, умышленно, перевирая, сказал: “Иоанн третий вышел замуж за Софью Переголо”. “Что, что, что ты сказал?” – воскликнула бедная Орлова. Гриша слово в слово повторил. “Вон из класса!” – возопила взбешенная Александра Ивановна. С тех пор она, заходя в класс, постоянно произносила: “Коган, выйди из класса”. Я же обожал её. Обожал за красоту, за мягкость характера, за неизъяснимое обаяние, исходившее из её существа и, когда она ласково проводила своей душистой ладонью по моей голове, я жмурился и млел, как кот на солнце. Математик наш Иван Деомидович Зиздо тоже был очень красив. Он был точной копией писателя Всеволода Гаршина. Те же скорбные, тёмные глаза, та же бородка. Тот же зачёс, но Бог мой, какое ничтожество. Был он картёжником, выпивохой. Часто являлся на занятия измятый, в пуху, с воспалёнными от бессонной ночи глазами. Однако математику знал изрядно. Зато учеников своих совсем не знал. Преподавал скучно, нудно. Александру Ивановну Орлову вскоре заменили Иван Петровичем Карпенко. Везло нам на Иванов Петровичей. Этот был выше, чем среднего роста, худощавый, кареглазый, с волнистой причёской молодой человек. Был он добр, деликатен и однажды, обнаружив у меня под партой книгу «Кобзарь» Шевченко, которую я читал на уроке, отобрал её у меня, но на перемене вернул. А книга, ведь то

была, запрещённой. Если бы об этом узнал наш инспектор, мне бы не поздоровилось. Преподавал Иван Петрович сухо, неинтересно. Рисование и черчение преподавал нам Иван Тарасович Бережной. Рыжий, лысый, шепелявый чудак, над которым все издевались, но я любил уроки рисования. Французскому языку учила нас Екатерина Ивановна Рябенко. Это закоренелая старая дева вскоре после моего поступления в школу вышла замуж за студента Лесного института, что повергло всю школу в неописуемый восторг. Предмет свой она не любила, и естественно и нам не привила любовь к нему. А я так хотел так научиться французскому языку. Был у нас ещё директор – «сторож» Леонтий. Длинноусый, хмурый, пожилой хохол. Этот молчаливый холостяк, вечно тянувший самокрутку - сигарку был очень строг с нами, за что и получил своё прозвище. Директора в нашем училище по штату не было. Директорские функции лежали на инспекторе. Вот мы и произвели Леонтия в директоры. И, когда мы пели во время перемен народные украинские песни, что считалось начальством нежелательным, и в коридоре появлялся Леонтий, дежурный предупреждал: “Цитьте, діректор іде, ідєт”. Но это было шуткой, когда же показывался инспектор, возглас “Рыжий ідєт” сразу же гасил песню. Всё же однажды рыжий накрыл нас. Войдя в класс, он скрипучим голосом произносил: “Дежурный, хто пєл?” “Все”, ответил дежуривший Кирилл, парень, считавшийся докой по части пения и выпивки. Этот великовозрастный ученик всегда задавал ученическому хору тон “до, ля, фа”. И задавал безукоризненно верно. “Что пєли?”, спросил инспектор, хотя великолепно слышал, что мы пели “Ой у лузі”, известную украинскую песню. “Пєли Боже царя храни”, не сморгнув глазом, ответил Кирилл. «Остаться всем после обеда», - сказал инспектор. И когда кончились уроки, приказал Кириллову построить нас и привести нас в актовый зал, там он заставил нас петь «Боже царя храни». Мы спели. Он потребовал ещё раз. Мы спели ещё. И рыжий снова скомандовал «Ещё». Это ещё повторялось несколько десятков раз. И, наконец, когда мы совсем уже изнемогали, отправил нас домой. Однако пение украинских песен в классе не прекратилось. Мы стали лишь осторожней. Ученики школы были большей частью детьми местных, небогатых жителей и средних крестьян из окружающих сёл. Сынки богатеев учились в гимназии. Было у нас много детей ремесленников, мелких торговцев и чиновников. Многие после окончания училища сразу же поступали на работу в почтовые отделения, городскую управу, всякие волостные учреждения, полицию, большей частью в качестве писарей. Учился я неплохо и с интересом, хотя и сидел 2 года в третьем классе, но это уже по традиции. В этом классе сидели по 2 года и мои весьма способные братья – Гриша и Яша. А дело в том, что мы были весьма малого роста, просто карликами по сравнению с другими учениками. Поэтому инспектор Рыбаков считал, что нам рано учиться в четвёртом классе и полезно посидеть в третьем. Всё было бы терпимо, если бы не ужасный антисемитизм, насаждавшийся сверху и, падавший на благодатную почву. Я уже писал о том, что большинство наших учеников были детьми мещан, ну а эти, даже с точки зрения простой выгоды должны были быть антисемитами. Мне признавался отец моего приятеля Мицкер Окуленко, что ненавидит евреев. А как ему было не ненавидеть их, коли в его лавке, где были и бакалейные товары, и иконы, и кресты, и ладан, и лампадное масло, и всякая другая мура, всегда было пусто. А у его оборотистых конкурентов евреев шла бойкая торговля. Тем не менее, Василий Кузьмич Ракуленко говорил мне, что своих дочерей обязательно выдаст замуж за евреев. Так как мол, где евреи хорошие мужья. И это говорил

активный член «Союза Русских людей». Такими же были и многие другие родители наших учеников: Кожемякины, Полипшит, Ткаченки и другие. Среди учителей самым злостным антисемитом, зубром, был упомянутый уже Иван Петрович Шевченко. Когда началась первая империалистическая война, этот прохвост развил бешеную травлю евреев. Каждый урок его сопровождался злостной, антисемитской выдумкой. Сегодня я получил письмо от моего приятеля поручика «Н». Вот, что он пишет: «Вчера на рассвете мы овладели деревней «Х». На окраине её лежала выпотрошенная туша коровы, в которой сидел жид с длинными пейсами и передавал по телефону противнику данные о наших войсках». Читал этот негодяй мнимое письмо через день повторение этой истории в другом варианте. На сей раз уже 2 жида с длинными пейсами, сидя на ветряной мельнице поворотом крыльев символизируют расположение наших войск. После таких писем на переменах начиналась настоящая побойница. Русские патриоты били изменников евреев. И евреев били часто по поводу или без повода. Меня и двух, трёх других не били из-за строптивости нравов. Не взирая на малый рост, я старался не давать спуску хулиганам. Помогала моя крайняя вспыльчивость, в пылу гнева я мог убить обидчика. Однажды на перемене я объяснял у доски великому и добродушному ученику Мише Осмоловскому какую-то теорему. Миша уже курил, пил водку и пел в хоре и в церкви на клиросе глубоким басом. Вдруг я почувствовал, что в мою спину между лопатками впилося что-то острое. Это была ручка с пером, которую метнул в меня известный хулиган Стёпка Кожемякин. А сделал он это, как объяснил он потом, чтоб я посторонился и не закрывал то, что писал на доске. Но это он сказал уже потом. Я взревел, бросился к его парте и вместе с планками и торчащими в них гвоздями стал колотить Кожемякина по чѐм попало. Это было так неожиданно, что мой обидчик даже не попытался защищаться. Другие же радовались тому, что нашлась управа и на такого зловредного типа, каким был Стёпка. Другой раз несколько озорников пытались выжать масло из меня. Я сидел у стены, ко мне стали подсаживаться хлопцы, вид которых не сулил мне ничего хорошего. Так подсаживались они часто к другим и со страшной силой прижимали их к стене, двигаясь друг за дружкой по скамье парты. Я выдвинул локоть и, когда ближний парень двинулся ко мне вплотную, сунул свой локоть между рѐбер озорника. Остальные, ничего не подозревая, нажали. Сосед мой взвыл от боли. Больше уже никто не пытался жать из меня масла. Но хуже были обиды, наносимые нам иными преподавателями. Эти оставляли в душе незаживающие раны. Иван Петрович Шевченко, уставив в меня тѐмные очки, тычет пальцем «Коган иди к доске». Я поѐживаюсь, выхожу. Под жѐстким взглядом этого учителя ёжятся все. Даже самые храбрые. На доске карта древнего Рима. Тут же лежит указка. «Расскажи о походе эков на Рим», требует Шевченко. Я очень любил историю, особенно древнюю. Начал рассказ, постепенно увлѐкся, забыл о нелюбимом учителе, о классе. Перед взором моим ожил древний Рим, его холмы, дороги, акведуки, послышался топот легионов, звон мечей, стук копьев. Должно быть, рассказывал я с воодушевлением, ярко, красочно. Когда дело дошло до того, как сенаторы Римские уже отвешивали на весах золото победившим Эквам, а в это время Римские легионы ринулись уже на врагов, и Камилл, их предводитель, бросив меч на весы, воскликнул: «Не золотом, а железом, платят римляне врагам», я очнулся. Глубокая тишина царила в классе. Несколько секунд длилось молчание. И в этой тишине, подняв значительно вверх указательный палец, Шевченко торжественно промолвил: «Вот так надо рассказывать

историю». Но тут же спохватился и задал мне какой-то вопрос из хронологии. Я был так возбуждён, что не успел даже понять вопрос, когда учитель сказал: «Достаточно, 3». И поставил в журнале тройку. Не тройка, полученная мною жала мне горло. Нет, я готов был заплакать от обиды, потому что ненавистный учитель последний фразой разрушил очарование. Исчез древний Рим, исчезли легионы, но ещё слышался их топот. Не плакать, не плакать - римляне не плакали. Часто и математик наш Зиздо плевал в мою душу. Удивительно, больше тройки я редко у него зарабатывал. Но, как только я поступил после окончания 4 классов в среднее техническое училище, как меньше пятёрки я по математике не получал. Как много значит и как много может преподаватель. Может окрылить и может обрезать крылья. Я очень рано стал преподавателем. В тринадцатилетнем возрасте я уже давал уроки. Но полностью представил себе роль и значение преподавателя значительно позже. И главным образом после того, как самолюбие моё получило тяжкую рану от неумелых, нерадивых преподавателей. Да, как же это я мог забыть о двух весьма интересных преподавателях «Закона Божия». Первым был добродушный, симпатичный протоиерей и отец Иван Левицкий. Его сменил мрачный, злобный черносотенец, тоже отец Иван по фамилии Беззабава. Отца Ивана Левицкого все ученики любили за доброту, человечность, снисходительность, а мы евреи прозвали дружелюбно тате Янкель, полагая, что это и есть точный перевод с русского на еврейский язык слов отца – отец Иван. Наш тате Янкель был полным, среднего роста, белый, как лунь, весь в лучистых морщинках, старик. При нём нам, ученикам – евреям, разрешали сидеть в зале. Это было очень удобно, особенно в зимнюю стужу. Отец Иван Беззабава немилосердно изгонял нас из класса, мрачно возглашая: «Неверные, изыдите». У отца Ивана Левицкого и мы иногда принимали участие в уроках. Помнится, был такой случай. Вызвал отец Иван паренька и сказал: «Расскажи притчу о царице Пентефрии и Иосифе прекрасном». Ученик не приготовил урок и стоял как пень. Молчание длилось довольно долго и я, глянув на неудачника, невольно улыбнулся: «Ты что улыбаешься, знаешь, небось, сию притчу?», спросил отец Иван. Я ответил утвердительно, хотя с точки зрения ученической реальности это было не очень благородно. Сказал это, не подумав, уж очень хотелось мне шутки ради отвечать урок из «Закона Божия». Притча мне была хорошо известна ещё со времён хедера. Я бойко рассказал о том, как Пентефрия пыталась соблазнить Иосифа прекрасного и, как он в панике бежал от неё, оставив не то весь свой плащ, не то его полу в руках соблазнительницы. Отец Иван одобрительно слушал и похвалил меня за ответ, потом он задал мне ещё какой-то вопрос. Я ещё задумался, стараясь вспомнить, о чём писалось по этому поводу в Библии, и отец Иван, желая помочь мне, подсказал малость. Я вспомнил, встряхнулся, почесал за ухом и ответил на вопрос. «Вот, что знаешь, хорошо, а что за ухом почесал, нехорошо сие. Сие есть признак лукавства». Огорошил меня отец Иван. Наш «тате Янкель» не раз поражал нас своей добротой, человечностью, и мы по наивности своей думали, что это святой человек, так и родившийся в рясе. Самим Богом поставленный для того, чтобы творить добрые дела. Сколько раз заступался он за нас перед грозным инспектором. Какого же было моё удивление и разочарование, когда однажды отец Иван, сидя на стуле за кафедрой отвернул полу рясы и обнажил штаны, обыкновенные человеческие штаны, да ещё серые в полоску. Значит, даже отец Иван носит штаны. Весь ореол, сиявший над нашим любимцем, погас. А мне ведь было лет 12 и был я по тому времени весьма развитым мальчиком. Читал

от корки до корки газету «Киевская мысль», до мелочей был знаком с «делом Бейлиса», сочувствовал Богрову, застрелившему на глазах царя премьера Столыпина. Так уживалось во мне наивное детство с рано пробудившимся общественным сознанием. Первая Империалистическая война значительно убыстрила процесс нашего созревания и ярко обозначила размежевание, происходящее среди учеников. Я взахлёб читал газеты, следил за прениями в Государственной Думе, но настроен был патриотически, за великую Россию, но без царя. Когда однажды я выразил возмущение по поводу отступления наших войск, старший брат мой Лёва, тогда уже студент Петроградского психоневрологического института заметил: «Что ж, солдаты плохо воюют, пойдика, покажи, как надо воевать». Я прикусил язык и задумался, надолго задумался».

*Какого года рождения был папин брат Гриша, Яша?*

Гриша был 1896 года рождения, а Яша был на 4 года моложе, 1902 года. Я ошиблась, Яша был 1902 года рождения.

*Рэмма Моисеевна, скажите, пожалуйста, рассказывал ли вам папа о революции 1917 года?*

Мой отец в своих мемуарах писал так: «Мне было всего 17 лет, когда была Февральская революция. Россия в те дни была чревата революцией. Её ждали, её жаждали люди, истомившиеся от бесконечной, беспросветной войны, лишений, потерь. Митинги, речи, марши не прекращаются целые дни. Всё больше красных знамён и алых бантов и «Марсельеза, Марсельеза, Марсельеза». Старые евреи прячутся по домам. Раз поют Марсельезу и ходят под красными флагами, жди погрома. Пробежали весна, лето. Кажется, это были первые в моей жизни настоящие весна и лето. Столько надежд, столько перспектив и, главное, я такой же, как все. Без процентной нормы и права жительства. И все митинги, речи, казалось, что людей прорвало. И, истосковавшись после долгих лет молчания, все исходят словом. В августе я поехал в Одессу и поступил в Строительно-техническое училище, учился, работал и старался понять, что происходит вокруг, но я был политически слеп, как новорожденный котёнок. Все эти «Рувгороды», «Ревкомы», «Самостійники», «оборонцы», «пораженцы». Всё это кашей смешивалась в моём мозгу, и я ничегошеньки не понимал. В январе 1918 года я понял, что, сколько не голодай, с учёбой дело не пойдёт. Не до учёбы было тогда. Вернулся домой, вероятно, я вернулся немного раньше, на рождественские каникулы, так как отлично понимал, что разгон учредительного собрания я встретил уже дома. Кстати о подготовке к выборам в учредительное собрание. Она развернулась у нас в Новомиргороде ещё летом 1917 года. И это было первое политическое мероприятие, на котором я «пострадал». Местные обыватели, и в их числе мой отец, радовались за выборы, не помню уже куда, но по делу, связанному с учредительным собранием, местного «златоуста» - толстяка, подпольного адвоката — Каминского. Молодёжь была настроена против него. Особенно несколько студентов, в том числе и мои двоюродные братья. Они попросили нарисовать меня плакат, на котором Каминский был нарисован буржуем, подбирающемся к общественному пирогу. Плакат удался на славу. Розовощёкий, толстопузый Каминский был изображён на нём с потрясающим сходством. Он лез к пирогу по лестнице. Пирог же красовался где-то наверху. Молодёжь наклеила плакат на доску, укрепила его на палке и поволокла по улицам. Эффект получился необычайный, а я должен был выдержать тягостную сцену с отцом. Мне шёл уже 18 год и, вероятно только поэтому я избежал

трёпки. Весь 1918 год прошёл, как в чад. Мои друзья и соученики - Рабинович, Путников, Синельников и другие стали большевиками. Были даже видными деятелями в Новомиргороде, членами «Ревкома», а я не мог принять их идей. Борьба была жестокой, кровавой. Умом я понимал, что иначе нельзя, но чувства мои противились этому. Это же чувство противилось вековому наследию культуры, которое я видел в некоторых моих друзьях. Я думал, что это так смотрят на это дело все большевики. Однако во мне жила жажда общественной деятельности. Я руководил литературным кружком, а во время немецкой оккупации издавал вместе с моим другом Рабиновичем, большевиком рукописный журнал «Возрождение». С ним получился следующий казус. Немцев сменила Австрийская часть. В одном из номеров журнала, кстати, по неопытности, на последней странице его всегда чётко выводил – Редактор М. Коган. Я изобразил шарж. Немецкий офицер, в руках у которого вместо глаз были нарисованы пушки, в руках револьверы, за спиной винтовки и так далее, и тому подобное. Командуют направо, а дядька бурчит: «От клятий німец». Уже ему направо, та направо. Журнал взял на прочтение мой товарищ Сеня Гольдберг, у которого на квартире стоял австрийский лейтенант. Не знаю, какими судьбами, но лейтенант увидел карикатуру. Он приказал позвать автора. Перепуганный Сенька прибежал ко мне, не помня себя от страха. Я пошёл к лейтенанту. Однако тот вместо репрессий или простого разноса обнял меня за плечи и, добродушно смеясь, стал расхваливать мои художественные таланты. Он всё же пожурил меня за неосторожность, посоветовал впредь быть осмотрительным. Трудный год был 1918. Власти города менялись неимоверно часто. И, конечно, прежде всего, доставалось от «петлюровцев», «гайдамаков», «зелёных» и всяких других бандитов еврейскому населению. Создали мы самооборону. Ходили, постреливая по ночам, но это могло пугнуть одиночных бандитов. Самое страшное нас ждало впереди. Шёл 1919 год и с ним ужасный, массовый погром. Это был первый, практический урок политграмоты для меня, который раз и навсегда снял розовую пелену с моих глаз.

*А теперь, Рэма Моисеевна, расскажите поподробнее, что отец ваш знал о погромах?*

Мой отец в своих мемуарах писал очень подробно о погроме. Я передаю его описание. «Много раз пытался я писать о пережитом мной погроме в мае 1919 года, но всякий раз откладывал перо. Я чувствовал, что не смогу написать так, как нужно. Теперь откладывать некуда, можно и не поспеть. Трудно писать о человеческой подлости и ещё труднее о том, что умом можешь понять и простить, а сердцем никогда. Погромы, конечно, вдохновляются и организуются контрреволюционными элементами, но делаются они часто руками не одних только кулаков, помещиков и других реакционных кругов. Собственными глазами я видел толпы озверелых бедняков, крушивших еврейские дома, разбивавших вдребезги посуду, мебель, выпускавших внутренности перин и подушек на ветер, тащивших непонятно для чего ночные горшки, сита, бадейки и прочую рухлядь, дравшихся между собой за ничтожный, жалкий скарб. Толстоволосые, грудастые девки, бабы с выбившимися из под платков космами волос, безусые мальчишки и дебелие хулиганы – вся эта орущая, потная, жадная толпа делала своё подлое дело не час, и не 2, а несколько суток. Заранее были приготовлены на еврейском кладбище и заботливо обсыпаны 2 огромные ямы. Чьими руками рылись они? Вряд ли помещики, кулаки или реакционные чиновники собственными руками рыли их. Принято думать и пишут так, что в еврейских погромах на Украине

весны 1919 года повинны Григорьевские банды, отступавшие под ударами Советских войск вдоль железной дороги Одесса-Бахмач. Вряд ли это так. Я сужу об этом по тому, что произошло на моей родине, Новомиргороде и близлежащих местах. «Григорьевцы» действительно, отступая создали подходящую обстановку для местной контрреволюции, они действительно бесчинствовали, грабили, терроризировали население, особенно еврейское. Шутка ли сказать, 12 железнодорожных эшелонов «григорьевцев» прошло через станцию Новомиргород, но отнюдь не они явились организаторами массовых убийств евреев, жестоких надругательств и повального ограбления. Итак, май 1919 года, множество банд прошло за 1918 год и начало 1919 года через Новомиргород, бывали эксцессы, ограбления, убийства, но всё это носило частный характер. Весной 1919 года повеяло иным духом, почувствовалась работа местной контрреволюционной организации. Она так, таки и не была раскрыта до конца. До сих пор не знаю, по каким соображениям не были вскрыты главные виновники, потому что Советская власть была ещё очень слаба, то ли потому, что виновников было слишком много. Мы знали о том, что в нашем городе существует так называемое общество любителей садоводства и огородничества, которое интересуется отнюдь не только вопросами жизни флоры, почему-то в этом обществе собралась вся черносотенная шваль из местного чиновничества и мещан. Были там и начальник тюрьмы Де Форж – старый хулиган в дворянской фуражке, и нотариус Калужский, выкрест и прохвост высшей марки, близорукий, низенький толстяк, выступавший всегда в паре с великаншей супругой, и черносотенный учитель Зиздо – пьяница, картёжник и старообрядцы Кожемякины, и бывший член городской управы Поспелов, и бывший начальник почты Любесков, и техник управы Меркушев, и недоучившийся студент, сын базарного торговца – Кульчицкий, и главный погромщик Афанасьев, и многие другие. Ходили слухи, что вся эта братия готовит еврейский погром. Шли уже погромы в близлежащих городах, местечках, сёлах. 17 мая громили и убивали еврейское население в местечке Златополь, лежащем в полуторах километрах от Новомиргорода. Теперь оба эти населённые пункты объединены и называются городом Новомиргородом. Там орудовали крестьяне села Лестопаолого, слывшие издавна головорезами. 18 мая всё еврейское население Новомиргорода трепетно ждало грозных событий. Власти в городе не было. Валялось на улицах истрёпанное тело бывшего ревкомовца Синельникова, моего соученика по высшему начальному училищу. Сбежали и неизвестно куда другие члены «Ревкома» и считанные большевики. По городу ходили толпы, некоторые дома уже стали громить. Из-за закрытых ставень нашего дома на Почтовой улице, наблюдал я, как громили дом бывшего агента компании Зингер, известная тогда компания швейных машин, Рабиновича. Трещали двери, летели стёкла, звенела битая посуда, пух летел с открытых окон. Толпа ревела, бесновалась, тащила рухлядь, думали, что громят дом Рабиновичей, потому что их сын был большевиком, членом «Ревкома». Однако к вечеру поползли грозные слухи о массовой резне. Нам об этом сообщили наши соседи Берест – семья, которых была к нам расположена. Мой отец был когда-то служащим покойного главы семьи Берест, владевшего мануфактурным магазином. После смерти самого хозяина семья обеднела. Я не могу припомнить всех её членов. Помню Наташу, служившую на почте, Шуру, беспутную девицу и мальчиков Жоржа и Антона. Мать их стала портнихой. В ночь на 19 мая моя мать с двумя младшими братьями, 12-летним Дусей и 10-летним Толей укрылась в доме Берест, а отец с тремя старшими, 23-х летним

Гришей и 19-ти летним мной и 17-ти летним Яшей залезли на сеновал в том же дворе Берест и зарылись в сено. Усадьба Берест стояла на берегу реки рядом с усадьбой хозяина нашего дома Гольдфельда. За рекой камыши, а за ними открытая степь. В стороне слева хутор кулака Никона Игнатьева. Дом, в котором мы жили стоял между домом протоиерея отца Ивана Левицкого и домом Берест. Недалеко по нашей же стороне улицы жили и другие русские семьи: помещик Костецкий, почтмейстер Любесков. Неизвестно по чьему указанию в русских домах были в окнах выставлены иконы и на воротах мелом нарисованы кресты. Тревожно провели мы ночь с 18 на 19 мая. Вздремлешь на несколько минут и снова стряхнёшь сон. Тишина, лишь одни собаки заливаются вокруг. На рассвете ударил набат. Он будил грозно, долго, мучительно долго. Кто распорядился созвать народ? Никаких властей, ни внешних банд в городе не было. И вот началось, поднялась стрельба, крики, вой. Затрещали ворота, окна, двери в ближних домах, во дворе мельнице Сукольского, стоявшей неподалёку слышались вопли, мольбы о пощаде, выстрелы, выстрелы. Вот с гиком промчались верховые. Мимо нашего сарая промчалась фигура не то мальчика, не то мужчины, вслед ему хлопали выстрелы, а он бежал, истошно, истошно, надрывно, воя. Затихло. Потом слышались голоса, какая-то группа подошла к сараю, вышли. Затаив дыхание, мы лежали, уткнувшись в сено. Погломонили, погломонили и ушли. От души, малость, отлегло. Шум и крики удалялись от нашей улицы. Отец наш – человек живой и беспокойный решил пробраться к нам домой посмотреть, что там. Долго мы с братьями умоляли его, не делать этого, но он не внял нашему голосу и ушёл. Больше мы никогда его не видели. Потом нам уже рассказали, что во дворе он был настигнут группой, бродивших бандитов, он успел пробежать через сад к реке и тут его настигла пуля. Раненный он успел переплыть через реку и укрыться в конюшне на хуторе Никона Игнатьева, но хозяин приказал своим батракам выбросить его на улицу. Те выполнили приказание и, положив истекающего кровью отца на навозные носилки, вынесли его на дорогу и выбросили. Там он и скончался. Много мы узнали потом. Узнали из рассказов раненых, уцелевших евреев и некоторых русских людей, ставших очевидцами потрясающей драмы. Тревога за отца грызла нас невероятно, но мы понимали, что вылезать из укрытия нельзя. Кругом бродили вооружённые бандиты. Да и неизвестно было ли куда идти на поиски. Вот в наш сарай опять вошли, но по голосам мы поняли, что двое. Потоптавшись, потоптавшись у лестницы, ведущей на наш сеновал, потом полезли вверх. Вот показалась рыжеусая, бородатая харя с холодными, трезвыми, жёсткими глазами, за ним второй чубатый, моложавый. Они влезли на сеновал с винтовками в руках. «Пришёл нас час», подумали мы, какое-то тупое равнодушие овладело нами. Всё внутри перегорело, испепелило душу, отняло волю к жизни. «Слезай», скомандовал рыжеусый. Мы поднялись, а они, пошарив вокруг нас в сене и ничего не найдя, стали поторапливать нас. Мы сошли на землю, потом нас вывели на улицу. Ждали выстрелов в затылок, но их не было. По дороге повстречался какой-то старик. Бандиты поручили ему доставить нас в кордегарию и так называлась тюрьма, начальником которой некогда был контрреволюционный зубр в дворянской фуражке Де Форж. Солнце садилось и мы втроём, шагая в одной шеренге и, сопровождаемые дедом с ружьём за плечами, шли по залитой вечерними лучами улице, а у ворот домов стояли православные люди, вчерашние наши знакомые, соседи. Вот стоит дочь псаломщика – Маруся Костецкая, заносчивая гимназисточка и внимательно провожает нас глазами. Вот её отец, жёлчный, хромоногий

неудачник. Хромота помешала ему получить священнический сан, а вот и мадам Полипша – безмерно толстая жена подпольного адвоката и бывшего почётного дворянина. Но мне скоро надоело смотреть на них и я, уткнув глаза в землю, пошёл дальше. Наконец пришли. У ворот с ружьями за плечами стоял известный в городе базарный вор и бандит Панасьев, с вывернутой носком внутрь ступнёй. А туповатое, жёлтое лицо его с облезлыми, жидкими усами ослабилось, а он с ужимками и прибаутками открыл калитку в тюремный двор. Трудно мне человеку, владеющему писательским даром описать, увиденную нами картину. Весь двор был забит людьми. Стояли, сидели, лежали, плакали, стонали, утешались, просили смерти, жаждали жизни. Оглушенные всем этим, стояли мы, не двигаясь с места. Я и не заметил, как к нам подошла мать с двумя маленькими братьями. Она была смертельно бледна. Лицо залито слезами. Прерывающимся голосом она сообщила нам о гибели отца. Старший брат Гриша, как подкошенный рухнул на землю. Оглушённый ужасной вестью я стоял, как в тумане. До меня ещё не полностью дошло ужасное содержание слов матери.

Я силился удержать рыдания, но они сотрясали моё тело, сжимали сердце, раскалывали череп. Сжимая в бессильной ярости кулак, кусая губы, я командовал самому себе «Не смей плакать, перестань, перестань».

Ничего не помогало ни тогда, ни теперь. Не могу отдать отчёта себе над чем я так рыдал. Над растоптанной жизнью отца, над растоптанными жизнями сотен невинных и растоптанной душой и достоинством, оставшихся в живых. Вероятно, над всем этим вместе взятым. Мы узнали, что настоятель собора, отец Георгий Ковалевский человек высокой порядочности и гуманности, вышел с крёстным ходом навстречу убийцам и коленопреклонённо молил их о милосердии к несчастным, невинным иноверцам, но ничего не помогло, бандиты были безжалостны. Было убито 250 человек и множество ранено. Количество убитых составляло десятую часть всего еврейского населения города. Такого Новомиргород не переживал никогда за всю историю своего существования, довольно старинного. В тюрьме мы прожили дня 3,4, точно не помню. Кто-то организовал доставку воды, и как бы в насмешку над религией евреев, не допускавшую употребление свинины, целого транспорта огрызков свиного сала на железных противнях. Стали появляться сердобольные жители города с разного рода приношениями и скорбным сочувствием. Это был уже вероятно на третий день нашего заключения. Первый же день ходили упорные слухи, что нас собирали сюда для того, чтобы организованно убить. До сих пор, а прошло уже без малого полвека, перед моими глазами стоят картины нашего быта в тюрьме. Наступает утро. Тюремный муравейник начинает шевелиться. Спали, конечно, не раздеваясь на полу, на нарах, на земле во дворе. Как сейчас вижу Риту Струляжскую - дочь врача. Утром она расчёсывала волосы долго, старательно. Волосы были её гордостью. Ни тогда, ни в последствии я не видел таких волос. Они падали сплошным плащом на её плечи почти до самых пяток. Как нелегко было горе людей, но картина эта никого не оставляла равнодушным. Заплетённые в косы, эти волосы увенчивали голову Риты огромной короной. И казалось, что тоненькая шея её вот - вот сломится под тяжестью причёски. А вот Шура Ракуленко с матерью пришли исполнить христианский долг. У Шуры змеиная голова с редкими, белесыми волосами и розовыми надбровными дугами. Рыхлая мамаша хлюпает носом и тычет нам узелок. Мы не берём, мы понимаем, что это люди, связанные с черносотенцами и пришли, чтобы подчеркнуть свою лояльность. Всяко бывает. Вдруг снова

придут большевики. Шура была одной из моих знакомых барышень. Она говорит слова сочувствия, а я отвечаю, что когда-нибудь оружие окажется в наших руках и тогда, но что тогда, я всё же слабо представлял себе. Во всяком случае, я твёрдо решил, что оно будет в моих руках. Из рассказов отдельных людей немного стала вырисоваться общая картина погрома. Утверждали, что набатный сигнал был дан по команде бывшего начальника тюрьмы Де Форжа. Одной из первых жертв пал на базаре Мотя Рыбник. Так называли маленького, кругленького, рыжеватого Мотеле Варшавского, занимающегося рыбной торговлей. День был воскресный, на базаре собралось много народу. Бедняга Мотя с серыми на выкате глазами, неуклюжей, оборванной фигурой, оказался супостатом номер один. Он долго лежал на базарной площади. С базара и пошло. Была вырезана семья пекаря Когана. Осталась лишь случайно дочь его Соня. Убит был, живший рядом Нафтула Гольдфельд, подпольный адвокат Каминский, и пошло, и пошло. Погром в районе базара вдохновлял известный в городе, пьяница и сквернослов Алёшка Павлущенко. Алёшкой его звали, хотя ему было уже за 60. И пьяную харю его украшала седая борода клинышком. Жил он на конной площади в районе базара по соседству с упомянутым уже Пиней Каминским. Тут же неподалёку была и четырёхэтажная, каменная мельница Суховольского. Я уже писал о том, как мы, лёжа на сеновале в сарае Береста, слышали душераздирающие крики во дворе мельницы, там убили рабочего мельника Иосифа Резниченко и мальчика, имя которого я забыл. Не знаю насколько это верно, но тогда говорили, что в убийствах принимали участие некоторые рабочие мельницы. Казалось сперва, что главным очагом погрома был базар и пришлый элемент. Однако впоследствии выяснилось, что одновременно с этим шли грабежи и убийства в районах весьма удалённых от базара и в центре города. Неподалёку от озера, лежавшего в центре Новомиргорода, жил с своей семьёй мой товарищ и соученик Яня Гранитулов. Был он физически очень сильным парнем. Помогал отцу, гнувшему колёсные ободья и занимавшемуся также и бондарным ремеслом. Были у Яни 2 великовозрастные сестры и мать. Когда бандиты ворвались к ним во двор и убили отца, Яня в ярости бросился на них с голыми руками и тут же упал с расколотым черепом. Остальных убили тут же. Так перестала существовать милая, симпатичная семья Гранитуловых. Также погибли и семья Фёдоров, и ряд других. У нашего знакомого парня Суховольского бандиты обнаружили в усадьбе бывшего нотариуса, крещёного еврея и великого прохвоста Калужского. Суховольский пробрался вдоль реки через луга и кустарники. Карманы его были набиты папиросами и бандиты стали делить их между собой, а Калужский просил их не убивать парня у него в усадьбе, а вывести, куда-нибудь на улицу и там покончить с ним. Он опасался репрессий в случае возврата красных, так как известен был, как «контрик» и антисоветчик. Сыновья же его в это время тащили книги из разбитого книжного магазина Берчика Белоцерковского, имевшего также и библиотеку популярных книг, которые он давал на прочтение абонентам, внесшим 3 рубля в месяц за пользование книгами. Суховольский уцелел лишь благодаря тому, что к этому времени был уже дан отбой погрому. Он, как и мы попал в тюрьму. Что же было на окраине города, где евреев было очень мало. Может быть, там их защитили многочисленные соседи, друзья. Вот, что об этом рассказал мне мой сверстник Миля Левит и друг, живущий и поныне, с которым мы иногда встречаемся и сейчас. Жили они за волостью, туда поближе к окраине, называвшейся Белой глиной. Разные были соседи у них. Были и очень хорошие, гуманные люди.

Однако они также немало опасались погромщиков, хотя и были христианами. Такой была, например семья Горчаковых. Я и сам отлично помню товарища моего брата Костю Горчакова, симпатичнейшего, культурного, прекрасного человека. Были и другие прекрасные люди, но они тонули в массе тёмной, невежественной толпы, которую нетрудно было подбить на какое угодно дело. Накануне погрома, когда веяние его уже висело в воздухе, Горчакову предложили укрыть у себя двух членов семьи Левит. Больше они просто боялись взять. Другие соседи тоже забрали мать с двумя малышами. Дома остался лишь отец Левита, он решил спрятаться в огороде. Днём 19 мая пришёл в его усадьбу сын одного из соседей, фамилию его мой приятель запомнил, в сопровождении какого-то пьяного верзилы. Они обнаружили хозяина, завели его в дом и стали требовать денег. Отец моего друга предложил им всё, что у них было, 200 рублей, но они лишь посмеялись и потребовали не менее 1000, и стали спрашивать, нет ли у него золота. Левит ответил, что больше денег у него нет и золота также нет. Тогда молодые люди стали угрожать ему разными страстями — уничтожением имущества, лишением жизни, но бедняге действительно негде было взять деньги. Он отвечал, что был готов ко всему, но удовлетворить требование бандитов не в состоянии. Тогда его спрашивали, у кого из евреев можно найти золото. На что, конечно, ответа не получили. Бандиты решили дать Левиту подумать, и, сказав, что ещё вернутся, ушли. Через некоторое время они действительно вернулись. Верзила был ещё более пьян. Заперши двери дома, негодяи повалили Левита и стали избивать его пивной бутылкой. Били по голове, по лицу, разбили его в кровь. Потом стали бить по ногам, по коленной чашечке, били до потери сознания, методически, со знанием дела. Бросив полумёртвого страдальца, они ушли. Через некоторое время, очнувшись, бедняга выполз во двор и, преодолевая нестерпимую боль, обливаясь кровью, пополз вдоль реки, лугами, ракитником в центр города, к больнице. Мой друг Миля не мог усидеть у Горчаковых, его беспокоила судьба отца. Уже вечерело, стрельба затихла, и он пришёл домой. Увидев разбитую бутылку и брызги крови, Миля понял, что стряслось с отцом. По кровавым следам, оставшимся на траве, вдоль луга пришёл он в больницу. Уже темнело. В саду близ больницы следы крови потерялись. Случайно Миля упёрся в какое-то низенькое строение. Не то морг, не то склад. Инстинктивно толкнул он ветхое окно, оно упало, и Миля вошёл в помещение. Тут он услышал стоны, нашёл отца в полубредовом состоянии на каком-то топчане. «Пить, пить», хрипел отец. Разыскав воду, Миля напоил отца. Отмыл лицо от крови и нащупал у себя в кармане 2, каким-то чудом уцелевших там, 2 уцелевших пирожка. Предложил отцу поесть, но тот не мог жевать, челюсти были разбиты. Тогда мой друг, разжёвывая пирожки, стал кормить беднягу жёванкой. Нога у Милиного отца распухла, посинела, и Миля отправился на поиски врача. Глава больницы Сесмий наотрез отказался поместить больного в палату. Он пообещал прислать утром фельдшера, чтобы перевязать ногу больного. Тяжёлую ночь провёл Миля у изголовья своего отца. Тот то бредил, то приходил в сознание, но к нему никто из медперсонала никто не пришёл. Потом пришли какие-то служащие, не медики и посоветовали обратиться к старшей сестре. Врач Сесмий с детьми куда-то спрятался. Старшая сестра сперва было отказалась чего-либо делать, но 10 рублей изменили её настроение. Она прислала носилки, больного поместили в коридоре и сделали перевязку. В коридоре, избитый до полусмерти умирал другой несчастный — кустарь, производивший ватные изделия. Сколько мы не силились с Милей, мы никак не могли вспомнить его фамилию, умирая он

рассказал Миле, как измывались над ним православные христиане. История Левита окончилась не так скоро. Хирург Сесмий так и не нашёл нужным вмешаться в ход болезни его. Пришлось через много дней везти больного с раздутой ногой на крестьянской повозке за 60 вёрст в город Елизаветград, где ему ампутировали ногу. Все злоключения евреев Богоспасаемого города Новомиргорода в те погромные дни не опишешь, да и я не буду братья за это. Мой потомок должен сам уметь по отдельным штрихам восстановить картины прошедшего. Мне же некогда. Я спешу, спешу, так много ещё предстоит написать. Было утро, раннее утро третьего или четвертого дня нашего злоключения. У железнодорожной станции загремел орудийный выстрел. Снаряд, шурша в небе, понёсся в сторону села Листопадова, мягко ударил взрыв. Потом ещё, ещё. Кто-то сообщил, что Листопадово, бандитское село Листопадово горит. Потом слышались со стороны железнодорожного моста очереди пулемёта. В город пришли бойцы с прибывшего бронепоезда, которым командовал матрос Живодёров. Среди бойцов было немного Донецких шахтёров. Потом пришёл Советский отряд по борьбе с бандитизмом, которым командовал Зенько. Мы вышли из тюрьмы, вернулись домой. Нас встретили чужие комнаты с разбитой мебелью, черепками посуды, выпущенными из подушек перьями. Я не мог понять за что, за что всё это. Как могли существа, называемые себя людьми, христианами дойти до этого. Мне потом рассказывала приятельница по Новомиргордскому комсомолу, милейшая Нюся Шахарева, жившая на окраине при поместье Новицкого, которое тогда называлось село Шмидово, что бедные крестьяне не считали грехом пограбить еврейские дома в Новомиргороде. Ведь всё равно добру пропадать, но то, что добро представляло собой рухлядь, ничего не значило. Долго мы не могли прийти в себя, не могли поверить, что нет уже на свете нашего доброго, бесконечно-мягкого, милого отца. Долго ещё под вечер, сидя у калитки, всматривался в конец длинной нашей улицы, и всё казалось мне, что вот сейчас появится запыленная фигура пришедшего издалека отца. Он улыбнётся в усы, как бывало, и скажет: «А вот и я». Но не было отца. Православные евреи возносили заупокойные молитвы и требовали, чтобы и мы, молодые читали их в память о погибших. За упокой их души, во имя Бога. Пытались и мы, но не было Бога ни в душе, ни на свете. И мы отказались, не было Бога. На братских могилах на еврейском кладбище положили 2 огромные гранитные плиты. На плитах этих вместе с именами погибших высечены ещё какие-то знаки, слова, может быть молитвы, но я их не понимал и не желал понять. Люди хотели увековечить память о погибших, но разве можно увековечить в камне. Я уже тогда хорошо понимал, что нет нам жизни, там, где однажды были растоптаны души, чувствовал, что постепенно все уйдут на другие места. Для кого же тогда камни. Так и случилось. В 1938 году я был в последний раз в Новомиргороде, уже тогда в городе были считанные семьи евреев. На кладбище бродили коровы, козы. Памятники были разбиты, а гранитные камни вросли в землю, обросли травой, и их нелегко было найти. Года 3 тому назад очутился в Новомиргороде земляк мой, Израиль Радковский. Он пошёл на кладбище, но не нашёл его, оно запахано. Нет кладбища, нет и тысяч других кладбищ в многочисленных городах Украины, но есть память человеческая и во имя будущего братства человечества мы не имеем права забывать. Надо помнить. Надо, чтобы не было еврейских, христианских, магометанских кладбищ. В земле все равны».

*Года 3 назад - это, в каком году было?*

В 1963 году.

*Служил ли ваш отец в армии во время гражданской войны?*

В своих мемуарах отец пишет следующее. «В красную армию я вступил добровольно, в начале 1920 года, после потрясшей меня речи командира, комиссара бригады на митинге в городском сквере. Я и до этого подумывал о том, что надо наконец определиться, надо завоевать своё место в жизни. Бесконечно надоели бесчисленные банды, шнырявшие по Украине. Надоели ночные тревоги, посильные ожидания. Думалось, неужели у меня не хватит мужества, чтобы отомстить за смерть отца, за смерть близких ни в чём не повинных людей. Ну что же, читая «беспартийный интеллигент», а интеллигентность моя измерялась 4 классами высшего начального училища, докажу, что и такие могут за Советскую власть воевать. Правда, не ясно было, кому это было доказывать. Отец далее пишет: «Мы лежали в секрете во ржи. Мы это я и Ванька – глухарь. Позади нас в нескольких сотнях метров окопалась наша рота. Над нами бездонная голубизна неба. Было лето 1920 года на Подолии. Изредка постукивали «Шоши» - «Шоши» белополяков. Им лениво отвечали наши «Максимы». Было душно и скучно, однако наблюдение за дорогой мы вели исправно. Потные и разморенные духотой, мы лениво перебрасывались короткими фразами. Ванька сопел. Он был туговат на ухо. Я был близорук, как бы в насмешку нас всегда с Ванькой на пару назначали в секрет, либо в дозор. Ванька смотрел, я слушал. Так мы дополняли друг друга. Ванька был Вологодской губернии и дико тосковал по своему северному краю. Здесь на Украине всё ему было не по душе. «Масев, а Масев, сказывают в этих краях жида живут. Чёрные такие, рогатые, хвостатые. Люди вроде бы, как мы только больно страшные». «Брось трепаться, парень, какие ещё сказки рассказывали тебе», ответил я. Но Ванька упорно бубнил своё. «Да, рожки у них на голове махонькие и хвостики тоже. Вот повидать бы». «Ну что же, коли хочешь видеть жида, смотри на меня», сказал я. «Чего на тебя глядеть то, не видал я тебя, что ли», обиделся Ванька. «Да, гляди, гляди. Да покрепче, ведь я жид, говорю тебе». «Ты, Масев брось дуру валять, та», Ванька даже привстал от возмущения. Я посмотрел на моего постоянного корешка, и глухая обида горячим потоком крови залила мне голову. «Вот тебе крест святой, что я жид». И я осенил себя широким крестом. Ванька выпучил глаза, рот раскрылся, язык вывалился, недоверие сменилось смятением, растерянностью. «Но, где у тебя рожки?» И я сорвал с головы будёновку. «Где хвостик?» И, спустив шаровары и подштанники, я повернулся задом к моему незадачливому другу. «Эх и дура ты же ты тёмная, балда несусветная. Цицьку бы тебе сосать ещё, а не за Советскую власть воевать». Но повернувшись снова к Ваньке лицом, я пожалел о том, что так жестоко расправился с его невежеством. Парень был смущён до крайности. Слёзы стояли в его глазах.

*Когда отец вернулся с гражданской войны? Он вам что-то рассказывал о голоде в те годы?*

В своих мемуарах отец писал. «Голод. Ещё в отроческие годы эта тема приковывала моё довольно сильно развитое воображение. Я много читал о голоде и у Кнута Гамсуна, и у Некрасова, Андреева, и у Короленко. Я жил всегда на Украине, но в украинской деревне, где я бывал тогда, не примешивали к хлебу лебеды. Уж чего- чего, а хлеба хватало людям. Было у меня недоедание, но голода постоянного, настоящего голода до 1921 года не видел. После демобилизации из Красной армии в мае 1921 года, я вернулся домой. Дома я застал печальную картину. Моя мать продолжала лежать прикованной к

постели. И один 19-тилетний брат Яша управлялся с работой в Райпродкоме, и с больной матерью, и с двумя младшими братьями 14 и 13 летними мальчиками. Нужда была отчаянная. Но тогда нуждалось большинство, подавляющее большинство людей. Поэтому она переносилась легко, переносилась сравнительно легко. В молодости всё переносится легче. Я, как теперь говорят, с ходу включился в борьбу за существование моей семьи. Разделили с Яшей все заботы по дому, по маме и детям. Получил неплохую по тем временам работу. Был назначен контроллёром гарнизонной хлебопекарни. Однако я обладал крупным недостатком - ни сам не умел воровать, ни мириться с воровством не умел, ни бороться с ним. Несмотря на опыт гражданской войны, я всё же оставался интеллигентом со всеми присущими этой породе людей недостатками. Мне было неловко, стыдно сказать вору, что он вор. А потом и толку от моей работы было мало. К счастью, работать пришлось там недолго. Месяца через 2 должность контроллёра была упразднена, и я стал простым счётным работником учреждения, называющегося Райсоюз. Это учреждение имело дело с продовольствием, вернее имело своей задачей государственную заготовку и хранение разного рода продовольственных культур. Непосредственное отношение к продовольствию я не имел. Моё дело было бумажное, счетоводное. Наступила тяжёлая осень 1921 года. В наших краях урожай погиб если не полностью, то во всяком случае настолько, что люди стали голодать уже осенью, именно тогда, когда в нормальных условиях люди благоденствуют. Всё же это был ещё не настоящий голод. Можно было бы назвать это сильным недоеданием, и затронуло оно в первую очередь немногочисленный рабочий и служащий люд. Крестьянство ещё не испытывало того бедствования, которое навалилось на него в последствии. В нашей семье уже в сентябре кушать было нечего. Тощий паёк, перепадавший нам с братом далеко не систематически, не только не мог удовлетворить семью из 5 человек, в том числе и больную мать, но даже не обеспечивал голодное существование. Всё, что можно было обменять на продукты, уже давно было обменено. Голубей, которых у нас было с полсотни, мы разогнали, чтобы не было соблазна съесть их. Мы были ещё очень сентиментальны. Бедная мама никак не могла представить себе, что в нашем огромном, старинном буфете, в котором кажется, хлеб никогда не переводился, нет ни корочки, ни крошки, ни золотника крупы. Психика её к тому времени была уже несколько нарушена. И ей казалось, что мы, её дети, обожавшие её всю жизнь, сознательно морили её голодом. Тёмная, серая завеса опустилась на наши головы. Выхода не видно было. Некому было нам помочь. Покуда с соседних огородов была ещё ботва свеклы, мы кое-как устраивались, но младшие братья воровали ботву. Мы старшие всякими правдами и неправдами доставали ночные отходы, отруби, макуху и прочую дрянь. Ботву мелко секли и варили мелко с отрубями в огромном горшке малахитового цвета. Эта баланда и была нашей основной пищей. С тоской смотрел я на лица близких, родных, а они всё бледнели, бледнели, будто таяли на глазах. Надо сказать, что до этого, где-то не то в июле, не то в июне 1921 года трое из нас переболели сыпняком. Болели все вместе, и самый младший двенадцатилетний Толя один ухаживал за нами и больной матерью. Это первое».

*Был ли на фронте ваш отец во время Великой Отечественной Войны?*

В его мемуарах написано следующее. «В гражданской войне я участвовал в качестве рядового бойца. Приходилось не раз ходить в атаку, в разведку, то есть, то, что называется самой передовой. В эту же отечественную войну я не

хаживал ни в атаку, ни в разведку. И на передовой был лишь случайно. Тем не менее представление обо всех перипетиях войны с фашистско-немецкими полчищами, особенно на юге у меня довольно полное. Большую часть войны я прослужил в войсках связи.

*Где служил ваш отец во время отечественной войны?*

Мой отец во время великой отечественной войны служил на Украине, на Северном Кавказе, в Крыму, в Москве. За всю войну он был в резерве 11 суток. В январе 1945 года он был в Одессе проездом, а затем уехал в Румынию.

*Было ли у вашего отца высшее образование?*

Отец в 1917 году, вообще он не кончал, гимназию он не кончал. А в 1917 году он полгода проучился в средне-техническом училище. Затем в 1927 году он сдавал экзамены одновременно в политехнический институт и в электротехникум имени Гринько. В 1929 году техникум вошел в Политехнический институт, как электрофакультет. В 1930 году выделился из него, как электротехнический институт связи.

*Рэмма Моисеевна, скажите, пожалуйста, в каком городе он учился и закончил институт?*

Учился мой отец в Одессе и в Одессе же закончил институт. И остался же при институте на кафедре.

*Кем он работал до и после войны Великой Отечественной?*

До войны он работал в институте электротехники, в институте связи, а после войны на этой же кафедре, он заведовал этой же кафедрой в течение многих лет.

*Когда и отчего он умер?*

Он умер в апреле 1986 года от рака предстательной железы.

*Где он умер?*

Умер он в Одессе.

*В семье отца никогда не соблюдали какие-то еврейские традиции?*

Может быть, и соблюдали, но я так не знаю о них, потому что все его родные братья, все жили в разных городах.

*Расскажите, пожалуйста, об этих фотографиях, которые лежат перед нами на столе.*

На одной из фотографий за 1923 год – люди из бюро ячейки ЛКСМО Кировоградского дома подростков. На фотографии он второй слева в окружении своих друзей Костина, Мороховского, Розенфельд и Брееловского.

На второй фотографии изображён отец, занимающийся со студентом, на фотографии он с левой стороны. И ещё одна фотография, где отец снят вместе со своим младшим братом Анатолием. Мой отец с левой стороны.

*Знаете ли вы что-то о родителях вашей матери?*

О родителях матери я почти ничего не знаю, так как папина мама Ольга Ангерт родилась в 1875 году в селе Малая Виска Кировоградской области. Умерла она, как и отец матери рано во время погромов в 1919 году. Моей маме тяжело было вспоминать. Она никогда об этом ни говорила. Отец мамы родился в 1870 году в селе Малая Виска Кировоградской области. Они поженились в 1899 в селе Малая Виска. Отец моей матери – дед мой, Исаак Ангерт, отчество не помню. У них было трое детей, 2 дочери и сын. Старшая дочь Марьям Ицко Лейбовна по мужу Винницкая родилась в 1900 году в селе Малая Виска, получила домашнее еврейское образование, хорошо говорила на идиш, отмечала все еврейские праздники. В 1922 году вышла замуж за Винницкого, его звали Перец, переехала в Одессу, работала секретарём на обувной фабрике. У них было

четверо детей, двое умерли ещё малыми детьми. Сын Исаак родился в Одессе и живёт в Одессе, и Анна живёт в Киеве, дочка. Младший сын Моисей Исаакович родился в 1906 году в селе Малая Виска, окончил среднюю школу и институт иностранных языков в Одессе. Женился на Берте и переехал в Кишинёв к ней в 30-е годы. Детей у них не было.

*На каком языке говорили в доме вашей бабушки и дедушки по отцовской линии и на каком языке говорили в доме вашей дедушки и бабушки по материнской линии?*

В доме бабушки и дедушки по отцовской линии говорили на русском языке. А в доме дедушки и бабушки по материнской линии я предполагаю, что они говорили на идиш, так как их старшая дочь и моя мама при встрече всегда объяснялись на идиш.

*Что вы знаете о городах, где родились ваши родители – Малые Виски и Новомиргороде?*

Мои впечатления о поездке в Новомиргород и Малые Виски таковы. Мы до войны вместе с родителями летом в летнее время, когда у отца и у матери были двухмесячные отпуска уезжали туда в Новомиргород или в Малую Виску. Запомнился мне отдых в Новомиргороде. Мы снимали хату у хозяйки, фамилия её была Бабенко, у неё был роскошный, большой сад. И мы дети взбирались на деревья шелковицы и объедались шелковицей, причём тёмной шелковицей. Все были в этой шелковице. В Малую Виску мы ходили пешком, просто смотрели, это очень хорошее, небольшое, зелёное село.

*Сохранились ли дома ваших родителей в этих местах?*

Родители нам никогда об этом ничего не рассказывали, но несмотря на то, что мы каждый год ездили туда отдыхать.

*Живы ли брат и сестра вашей матери?*

Сестра матери Марьям умерла в 1970 году. Её муж погиб на фронте. Брат Моисей умер в 60-х годах. Его жена Берта умерла в 50-х годах.

*Что вы помните о еврейских праздниках в доме Марьям?*

Очень хорошо помню то время. Дядя Перец на Хануку давал нам Хонэке Гэлт. На Пурим тётя пекла Ументаши, на Пэсах у неё всегда была маца. В синагогу они не ходили.

*Где были брат и сестра вашей мамы во время Холокоста?*

Сестра была эвакуирована вместе с матерью и с нами, детьми. А брат был в эвакуации в Нарьян-Маре. Жена моего дяди была на фронте, работала врачом-терапевтом.

*Когда и где родилась ваша мама?*

Моя мама родилась 13 января 1903 года в селе Малая Виска.

*Как звали вашу мать?*

Рахиль Исаковна, фамилия девичья Ангерт.

*Какое образование было у вашей матери?*

Она в своё время закончила среднюю школу в селе Малая Виска, затем после замужества она переехала в Одессу с моим отцом из Кировограда и тут она поступила в институт Иностранных языков, но закончить его не успела, так как началась война. Заканчивала она институт только в послевоенное время.

*Вам никогда не рассказывали, как ваши родители познакомились, где они познакомились?*

Они мне никогда об этом не говорили, но так как сёла, где они жили г. Новомиргород и село Малые Виски были рядом, то я считаю, что они познакомились, где-то там, в этих местах.

*Когда и где поженились ваши родители? Какая у них была свадьба?*

Мои родители поженились в 1924 году в городе Кировограде. Свадьба у них состоялась 14 января 1924 года. Но мой отец в загс опоздал, так как до этого он работал со своими комсомольцами в редакции газеты молодёжной и главный редактор его не отпускал на свадьбу, на запись. И моя мать его прождала до тех пор, пока не закрыли загс. Отец пришёл, но уже опоздал, к свадьбе. И они, несмотря на то, что они в загсе не были зарегистрированы, они в этот же день отметили свадьбу среди молодёжи.

*Как ваш отец попал в Кировоград?*

Он был направлен в Кировоград из Новомиргорода по комсомольской путёвке, занимался комсомольской работой.

*Где жили ваши родители после свадьбы?*

Мои родители после свадьбы снимали одну комнату у хозяина. Причём родители мои оба работали. Целый день их дома не было, и со мной была домработница, которая меня воспитывала в кавычках.

*Какая была обстановка в квартире у вашего отца и матери?*

Обстановка в квартире была их хозяев. Но должна вам сказать, что когда они переехали в 1928 году в Одессу уже, то из этой обстановки уже они в Одессу перевезли шкаф и обеденный стол, которые у нас очень долгое время были. Собственно говоря, шкаф ещё и сейчас.

*Они купили у хозяев всё, что было у них в квартире?*

Очевидно, купили.

*Была ли семья ваших родителей материально обеспечена?*

Я не могу сказать, была ли она обеспечена, потому что мне тогда было всего 3 года, когда они жили в Кировограде. Отец мой работал, работал заместителем зав.полит.просвета окружкома комсомола, а мать работала счётным работником.

*Была ли семья родителей вашей матери материально обеспечена?*

Мать мне никогда об этом ничего не говорила.

*Сколько детей было у ваших родителей?*

У моих родителей было двое детей. Я старшая дочь и сын.

Соблюдали ли в семье отца и матери еврейские традиции Шаббат, праздники?

*Ходили ли в синагогу ваши родители?*

Мои родители не были религиозными людьми. Праздники еврейские они не соблюдали и в синагогу они не ходили, так как мой отец, в молодые годы он был крупным комсомольским работником, а после, когда он стал уже взрослым и учился в институте, он вступил в партию, в коммунистическую партию.

*На каком языке разговаривали ваши родители?*

Дома мои родители говорили только на русском языке.

*Рэмма Моисеевна, скажите, пожалуйста, когда и где вы родились?*

Я родилась 9 ноября 1925 года в городе Кировограде.

*Когда и где родился ваш брат?*

Мой брат родился 30 марта 1933 года в городе Одессе.

*Как зовут вашего брата?*

Брата зовут Юрий.

*В каком году вы пошли в школу?*

Я пошла в школу в девятилетнем возрасте. Тогда в школу поступали в восьмилетнем возрасте, но так как моего брата, он ещё был маленький, не было за кем ухаживать, я должна была отводить его в детский сад, то я пошла в школу сразу во второй класс, пропустив первый.

*В какую школу вы пошли? Что эта была за школа? Где она находилась? Номер её вы не помните?*

Я вначале училась в школе №5, она была на улице Мечникова, а потом родители меня перевели в 28-ю школу. Она была на улице Перекопской Победы.

*Какие эти были школы, где вы учились?*

Эти школы были русскоязычные, преподавали там на русском языке.

*Какие предметы изучали в этих школах?*

В школах мы изучали русский язык, украинский язык, географию, историю, физику, математику, биологию. Были у нас очень хорошие, квалифицированные педагоги.

*Какие языки вы знаете?*

В школе я учила немецкий язык, а, когда училась в институте тоже немецкий язык.

*Знаете вы иврит или идиш?*

Я не знаю не иврит, не идиш.

*Были ли среди ваших учеников, в школах, где вы учились евреи и были ли учителя в школах, где вы учились евреи?*

В моём классе, где я училась, было много учеников евреев, а вот в отношении преподавателей, я не помню.

*Какие у вас были увлечения в школьные годы?*

В школьные годы я занималась музыкой, я училась в музыкальной школе. Дома учёных по классу фортепьяно.

*Вы хорошо учились?*

Я училась на «отлично» в школе, закончила 7-ой класс, получила похвальную грамоту, и в виде поощрения отец меня отправил в Москву, к своей родной сестре. Я приехала в Москву 17 июня 41 года, а 22 июня началась Отечественная война.

*Были ли вы в пионерских или комсомольских организациях?*

В школьные годы я была пионеркой, а комсомолкой я не была.

*С кем вы дружили в школьные годы, с евреями?*

У меня было две подруги в школе, они обе еврейки. Это Инна Файман и Зоя Любянская.

*Много ли было евреев до войны в Одессе?*

В Одессе было много до войны евреев.

*Была ли синагога до войны в Одессе?*

В Одессе было несколько синагог в Одессе и было эти, я забыла, как они называются, дома, было несколько синагог и были ещё молельные дома.

*Где вы жили до войны в Одессе?*

В Одессе я жила на улице Ольгиевской 27, кв.6. Это была коммунальная квартира на 3-м этаже. У нас было 2 комнаты, смежные через коридор. Когда нас вселили в эту квартиру, когда мы приехали из Кировограда в Одессу, нас подселили к старой, интеллигентной семье, т.е. их уплотнили и нам дали 2 эти комнаты. Семья эта была очень интеллигентная, и они меня прямо воспитывали.

*Какие были удобства в этой квартире? Было ли отопление в вашей квартире?*

Значит, удобства были относительные. Была ванная комната, был туалет, колонки были. В одной и другой комнате были колонки, отапливали мы их углём. Уголь мы заранее заготавливали на зиму.

*Что вы помните о голоде 1933 года?*

Точно я ничего сказать не могу. Я помню только то, что мать моя, имея единственные золотые дутые серёжки, отнесла их в Торгсин.

*Значит, семья ваша нуждалась в эти годы?*

Очевидно, нуждалась.

*Скажите, пожалуйста, кто на этих фотографиях?*

На этих фотографиях я вместе с матерью. Мать меня держит, грудного младенца, на руках. Мне здесь четыре с половиной месяца. Вторая фотография тоже я, но я с родным братом. Мне здесь 10 лет, а брату 2 года. И ещё одна фотография, на ней сфотографирован родной брат моего отца Григорий со своей женой Марьям, и она его двоюродная сестра. Они сфотографированы со своей единственной дочерью Лидией.

*Вы помните 1937, 1939 годы процессы, аресты? Вы что-то знали об этом?*

*В Одессе это было?*

Мне было тогда 12 лет, но я хорошо помню, как арестовали двоюродного брата моего отца. Он работал городским прокурором. И у нас дома началась очень беспокойная обстановка в связи с тем, что мой отец работал деканом в институте связи и был членом партии, и он думал, что его исключат из партии и снимут с работы. И каждый день ночью моя мама стояла возле окна и ждала чёрный воронок. «1937, 1939», год пишет в мемуарах мой отец. «Чернее этих лет не было в моей жизни. Я пережил еврейский погром 1919 года, в котором потерял отца, мать мою, женщину, дорожке которой у меня не было на свете. Её разбил паралич, и она, протянув после погрома 3 ужасных года, умерла в страшных мучениях. Я пережил голод 1921 года, когда на моих глазах умирали близкие мне люди. Маленькие братья мои засыпали от голода, и я будил их, опасаясь вечного сна. Я прошёл через горнила Гражданской войны, пережил бесчинства бесчисленных банд и белогвардейских армий, на фронтах Великой отечественной войны мне пришлось изведать немало. Сотни раз я был на краю гибели, и что ещё хуже, фашистского плена, но никогда я не переживал таких потрясений, не доходил до такого отчаяния, как в 1937, 1939 годах. И это понятно, до этих лет и после них я всегда знал, где враг, знал, чего могу ждать от него. Не стыдно было и погибнуть от руки врага. Всё было иначе в 1937, 1938 годах, но я не историк, и не собираюсь описывать хорошо известные исторические события. Опишу лишь то, что касалось меня и близких мне людей. С самого начала 1937 года настроение моё и окружающих меня товарищей было смутное, тревожное. После мартовского пленума ЦК ВКПБ вирус подозрительности и недоверия охватил весь народ. Энная теория об усилении сопротивления врагов народа по мере усиления Советского государства стала «давать свои плоды». На собраниях выступали партийные руководители нашей области, города, района. Бессвязно лепетали что-то о врагах народа. Бледное растеряние, жалкие. Помню выступление первого секретаря Одесского обкома партии товарища Вегера. Это был стройный, моложавый, весьма привлекательный человек с орденом Красного знамени на груди. В то время таких было немного. Говорил, что он потомственный революционер, что даже родился он в тюрьме. До этого его считали геройским большевиком, достойным всяческого доверия и уважения. Но на собрании, о котором я пишу, выступал бледный, растерянный человек, с мучительно напряженным взглядом. Он говорил о врагах в наших рядах. О необходимости их разоблачения, а глаза кричали «Не верю, не верю, в то, что говорю». Начались аресты. Один за другим исчезали партийные советские руководители города, руководители предприятий, цехов, просто рядовые люди, рабочие,

интеллигенты. Местная печать кричала о разоблачённых и неразоблачённых врагах народа. О предполагаемых врагах, о пособниках врагов. Во всю распоясались безответственные элементы и просто подлецы, карьеристы, конъюнктурщики, спекулянты всех мастей. Помню одного такого прохвоста Николаева из института Водного транспорта. Сколько неповинных людей оклеветал и погубил этот полупсихопат, полуизверг. Доказательств тогда не требовалось. Достаточно было очернить в заявлении, в газетной заметке по телефону. Не то в мае, не то в июне был арестован мой двоюродный брат городской прокурор Михаил Литинский. Он просидел в тюрьме, в лагерях и ссылке в общей сложности 19 лет, потерял один глаз. Потом был полностью реабилитирован, восстановлен в партии, работал Секретарём партбюро крупного колхоза и умер от рака желудка в 1959 году в возрасте 56 лет. В эту пору, то есть в пору его прокурорства мы встречались чрезвычайно редко. Мне не нравилось его пристрастие к обществу верховодов. Об аресте мне сообщила его жена, вскоре последовавшая за ним, конечно не в буквальном смысле, а просто арестованная. Я нисколько не сомневался в невиновности Михаила. Я знал его с раннего детства, был твёрдо уверен его преданности делу партии. Положение обязывало меня сообщить об этом происшествии в парторганизацию института, где я работал. Я и сделал это немедленно. Началось, началось. Была создана комиссия обследования моего «дела». Представители её были посланы на мою родину в Новомиргород для установления моего социального происхождения и исследования моей общественной деятельности от самых истоков моей жизни. Были посланы запросы моих характеристик лицам, знавшим меня ранее. Однако направлялись лицам совершенно «благополучным». А именно Железову, Биндерману и Кравченко, перешедшим ненадолго до этого из института Связи на работу в НКВД в городе Москве. Следует отметить, что я всего только 10 лет проработал в парторганизации нашего института. Был неизменным членом партийного бюро и деканом факультета. Было широко объявлено, что партбюро принимает заявление о моих прегрешениях от всех желающих, партийных и беспартийных. Недостатка в заявлениях в нужном духе не было. Все думали, что я: а) известный пособник врагов народа, б) связан с троцкистами в городе Кировограде, когда работал в окружке комсомола и фабзавуча завода Красная Звезда, в) будучи деканом факультета создавал вредительские, учебные планы, г) выживал ценных профессоров из института, д) был связан с троцкистами обувной фабрики, когда руководил политшколой, е) умышленно исключал коммунистов из института, ж) скрыл своё буржуазное происхождение и так далее, и тому подобное, всех обвинений не перечислить. Комиссия всё ещё продолжала своё расследование, когда на одном партсобрании выступил один из известных прохвостов, студент, студент Шварцман. «Здесь», заявил он, «в нашей среде находится известный пособник врагов народа, а может быть и враг, Моисей Маркович Коган. До каких пор будет он среди нас, у него ещё в Хабаровске есть брат, окончивший наш институт. Надо и туда дать знать, и до него надо добраться». Собрание молчало. К чести тогдашнего директора, человека в институте нового, Владимира Андреевича Надеждина, надо отметить неслыханно, неслыханно смелое по тогдашнему времени его выступление. Он сухо заметил, что никаких официальных данных подтверждения, подтвержденных авторитетными источниками о моей принадлежности к стану врагов нет и, что выступление Шварцмана по меньшей мере преждевременно. А расследование всё шло, клубок инсинуаций всё разрастался и разрастался.

Многие стали отворачиваться при моём появлении, другие перестали замечать. Аресты в городе не прекращались. «Чёрные вороны», так называли машины НКВД, увозившие арестованных, грозной тенью вырастали у подъездов домов по ночам. В квартирах, не зажигая огней, люди вставали у окон, старались разглядеть, кто же очередная жертва. Жена моя теряла рассудок от страха за мою судьбу, судьбу семьи, но вот подошли каникулы, и я решил уехать на всё лето на родину в Новомиргород. Так мы и сделали. Всей семьёй уехали из Одессы. В конце августа мы вернулись в Одессу. Когда я пришёл в институт, то понял, что песенка моя спета, ничто не могло спасти меня от полного краха. Это было написано на лицах членов Партбюро, на лицах большинства коммунистов. Сухо отвечали на мои приветствия, отводили в сторону глаза, избегали общения. Я всё ещё был деканом факультета, членом партии, членом партбюро, но в обеденный перерыв в столовой вокруг столика, за которым я сидел зияла пустота. Куда девались все те, кто раньше искали моего общества, беседы со мной. Месяц я ещё ходил в полуподвешенном состоянии. Наконец было назначено партийное собрание с повесткой дня «Первое: О происках врагов народа и их пособников - доклад райкома партии. Второе: Персональное дело М.М. Когана». Недурная получилась интродукция к рассмотрению моего «дела». Секретарь райкома, личность невыразительная, угрюмая, стремясь создать определённый фон, самым бессовестным образом нагнетал страх. В его, так сказать общем докладе фигурировали известные и неизвестные фамилии. Ещё до решения моей судьбы собранием в числе других врагов назван и я. Я сидел на передней скамье и глядел прямо в зрачки этому сукиному сыну. Я видел, что он не верит и сам в то, что говорит, но кто-то очевидно дал ему контрольную цифру вскрыть, вскрытия и осуждения «врагов народа». И он старался во всю. Речь его была безграмотной политически, безграмотной вообще, язык корявый, тяжеловесный, но цели своей он достиг. Собрание было полностью деморализовано. Вела собрание честнейшая, порядочнейшая коммунистка, секретарь партийного бюро Вера Алексеевна Тюрева. Мы с ней были очень дружны, хорошо понимали и уважали друг друга. На мои похороны в кавычках она пришла в чёрном, траурном платье, которое ещё больше оттеняла страшную бледность её лица. Вот оглашены выводы комиссии персонального дела М.М. Когана. Я не верил своим ушам. Было установлено в кавычках, что я, потеряв партийную бдительность, покрывал врага народа Литинского, помогал ему в его вражеских делах, что я вместе с реакционной профессурой создавал вредительские учебные планы, что я умышленно исключал из института коммунистов, что я ..., но я уже писал о том, что мне приписывали. Затем началось обсуждение в кавычках, но кроме уже известного Шварцмана и двух трёх добровольцев в кавычках никто не хотел выступать. Тогда стали вытаскивать за уши. Как старые коммунисты, давно знающие Когана не желают говорить? Ну-ка, Осадченко, говори, что знаешь, вытащил кто-то дурашливого Сашеньку Осадченко. Он встал, несчастный, растерянный, пробубнил что-то под нос о моей гордости и непреклонности и сел, уткнувшись носом в парту. Никто, конечно, не сказал ни одного слова в мою защиту. Дали слово мне, я был краток. Всё, что написано обо мне, всё, что написала обо мне комиссия, всё, что сказали секретарь райкома, что сказал Шварцман, Вайнберг и некоторые другие столь же вероятно, сказал я, как то, что я сегодня в 12 часов дня на Дерибасовской улице изнасиловал негритянку. Несмотря на трагичность обстановки поднялся громадный смех, а Шварцман и секретарь райкома с наигранным возмущением стали кричать «Он ещё насмехается над нами».

Решение, заранее заготовленное гласило «За потерю бдительности, за связь и пособничество врагам народа и так далее и тому подобное из партии исключить, а материалы расследования передать в НКВД». Администрации института предлагалось освободить меня от занимаемой должности декана факультета. 28 лет прошло с тех пор, а передо мною и доселе стоят лица, разные лица того собрания, одни искаженные злобой, другие страхом и стыдом. Большинство же прятало свои глаза, опустив головы на парты. А «чёрный ворон» всё летал ночами, вырывая из постелей перепуганных мужчин, женщин, сея ужас и безумие. Газеты продолжали истошно вопить о врагах народа и прославлять любимца народа в кавычках Ежова. После двукратного слушания моего дела бюро райкома проштамповало решение собрания, и я уже формально стал беспартийным. Пустота вокруг меня всё ширилась и ширилась и только двое моих лучших, преданнейших друзей, доцентов Эйгензихт и Ланг не оставили меня в эти дни, в эти страшные дни. Они до глубокой ночи по одиночке или вдвоём сживали у меня дома, стремясь отвлечь от тяжёлых дум. По тому времени поступок их был поистине геройским.

*Чем закончилось дело, возбуждённое против вашего отца?*

Отец был исключён из партии, снят с работы. Он работал на разных работах: на заводе, на стройках и на других работах, так как ему нужно было обеспечить свою семью. Дважды он подавал на апелляцию в бюро Горкома партии, просил пересмотреть его дело. Он очень удивлялся, что его не арестовали, как других. После двухлетних испытаний в ноябре 1939 года его восстановили в партии, и он снова стал работать в институте.

*Чей сын был Михаил, двоюродный брат вашего отца?*

Точно я не знаю, чей сын был Михаил, но предполагаю, что он был либо сестрой моей бабушки или брата моей бабушки. Знаю только, что её мать звали Фаина. Она после того, как посадили в тюрьму дядю Михаила и его жену, она, эта бабушка Фаина, воспитывала старшую дочь Михаила, Лену, а младшую дочь воспитывала бабушка – полька, и жили они в разных городах, поэтому они после войны были очень отдалены друг от друга.

*В какие города и когда разъехались братья и сёстры отца и матери? Где жили, живы, умерли ли их дети?*

Сестра Розалия жила под Москвой, есть такая станция Кратово, Московско-Казанской железной дороги. Она всю жизнь прожила там, работала там. Эвакуировалась во время войны, и после войны вернулась туда и там же умерла.

А братья, старший брат Лев закончил медицинский факультет Петербургского университета и получил назначение в Глухов – это село, где он много лет проработал, а потом вместе с женой они переехали в город Киев. Он работал в центральной поликлинике города Киева хирургом и все годы жил там и там же умер. Теперь Гриша закончил медицинский факультет университета тоже. Гриша работал в Киеве в научно-исследовательском институте. Во время войны он был мобилизован в армию и погиб на фронте. Яков был инженером, жили они до войны с женой и двумя дочерьми в Ленинграде. Во время войны их эвакуировали в Новокузнецк и после войны они там остались жить, но жена Якова вскоре умерла, а Яков приезжал в Одессу неоднократно к своим родственникам. Две дочери жили вначале вместе с ним в Новокузнецке, а потом старшая дочь вышла замуж. Дочь Галя вышла замуж и жила под Москвой. Дальше, брат Давид. Давид жил в Москве. К нам он в Одессу приезжал один раз. Во время войны он был мобилизован и вскоре погиб на

фронте. Анатолий жил и воспитывался моим отцом и моей матерью, так как родителей не было. И он учился в институте связи, и одновременно работал на заводе. Анатолий закончил Одесский институт связи, получил назначение в Хабаровск и женился на своей сокурснице и прожил там большую часть своей жизни. У него было трое детей. После войны он занимал большую должность. И его после войны направили на Украину в город Николаев на работу. Он проработал там короткое время, и потом его перевели в Куйбышев. В Куйбышеве он и умер. Теперь в отношении родственников матери. У матери была одна родная сестра и родной брат. Сестра жила вместе с матерью, они жили в Одессе. Она была замужем за Перецом Винницким. Во время войны его мобилизовали, и он буквально в начале войны погиб на фронте. У них было двое детей, Исаак и Анна. Они и сейчас живут в Одессе. Исаак работает инженером на заводе, а Анна работает в Киеве. Она закончила институт связи и работает в проектно-институте. Теперь сестра матери, родная сестра, её звали Марьям Ицко Лейбовна. Она работала секретарём на обувной фабрике. Осталась после войны с дочерью, воспитывала дочь, так как сын женился и жил отдельно с женой.

Брат Моисей закончил институт иностранных языков, преподавал английский, и так как он болел, его в армию не взяли, и он во время войны был эвакуирован, а его жена врач-терапевт была мобилизована, прошла весь фронт, всю войну.

*Где живут их дети?*

Дети Розалии, у неё было четверо детей – 2 дочери и 2 сына. Старшая дочь Итилия жила в Москве и попала в автомобильную катастрофу и погибла. Остальные все живут в Москве. Теперь у Льва был единственный сын Людвиг, он работал, он закончил философский факультет Киевского университета и был направлен в Кривой Рог. Читал философию в горном институте, кандидат наук. У дяди Гриши была и есть единственная дочь, которая живёт в Киеве. У Якова было 2 дочери. Старшая Галина в Москве работала, а младшая в Новокузнецке. У Давида детей не было. У Анатолия было трое детей. Старшая дочь Нелли умерла, а 2 сына живут в Куйбышеве - Самаре.

У брата матери – Моисей жил в Кишинёве. Детей у него не было.

*На каком отделении учился ваш отец, на дневном или вечернем?*

Мой отец учился на дневном отделении, а его жена работала, очень много работала для того, чтобы обеспечить семью.

*Какая у неё была работа?*

Мать закончила факультет иностранных языков в Одессе после войны, а до этого она работала на различных работах, там, куда её приглашали. А после войны она работала вначале в институте имени Ломоносова, преподавала английский язык, а затем в институте связи на кафедре иностранных языков.

*Кого из папиных братьев звали коротко Дуся?*

У папы младший брат Дуся, его вообще по паспорту он Давид, а называли его ласкательно Дуся.

*Ольга Ангерт – это папина мама или мамина мама?*

Ольга Ангерт – это мать моей мамы.

*Когда и где была сделана эта фотография со студентом в институте, ну фотография вашего отца?*

Фотография моего отца со студентом была сделана в 1939 году в институте связи, после того, как отца восстановили на работе.

*Когда и где была сделана фотография вашего отца с его братом Анатолием?*

Фотография отца с самым младшим братом была сделана в 1940 году в городе Одессе.

*Скажите, пожалуйста, Рэмма Моисеевна, кто на этой фотографии? Когда была сделана эта фотография? И где она была сделана?*

Фотография, которую я держу в руках – это фотография родного брата отца Григория со своей семьёй. Его жена была его двоюродной сестрой, Марьям её звали. И с левой стороны на фотографии, с правой стороны на фотографии сам дядя Гриша, а посередине их единственная дочь Лидия. Дядя погиб на фронте, тётя умерла в Киеве после войны, а Лида по сей день живёт в Киеве. На другой фотографии сфотографированы я с моим братом Юрием. Мы сфотографированы в 1935 году, в июне 1935 года, мне здесь было 10 лет. На одной из фотографий я с матерью – это мы тогда жили в городе Кировограде, где я родилась. Мне на фотографии 4.5 месяца. В 1941 году родной брат отца, Давид был в Одессе, и мы сфотографировались, я и мой брат с ним. На фотографии я с левой стороны, в середине дядя Давид и справа мой брат Юрий. *В 1939 году началась вторая мировая война? Вы что-то знали об этом? Отец вам что-то рассказывал об этом? В семье это обсуждалось как-то, в школе?*

Вторая мировая война, начало второй мировой я помню только, когда фашистская Германия напала на Польшу. Вот только это я помню.

*Но вы знали, что началась вторая мировая война?*

Да, конечно знала, что германские войска нарушили границу Польши и вступили в Польшу.

*У вас в классе играли в военные игры?*

Нет.

*Как вы помните первый день войны? Как вы его запомнили? Как вы узнали о начале войны?*

Я закончила 7-й класс школы, и так как я, аттестат у меня был отличный, то родители решили меня поощрить и отправили меня к родной сестре моего отца в Кратово, Московско-Казанской железной дороги. Я приехала в Москву и в Кратово уже оттуда, 17 июня. Двадцать второго числа началась война. Услышала я об этом, сидя за праздничным столом во дворе дома, где жила моя тётя, по репродуктору.

*Расскажите подробнее о первом дне войны?*

Я помню только то, что началась суета. Все, конечно, начали нервничать, и решили, так у тётки старший сын закончил астрономо-геодезический факультет университета и поехал по назначению, это было задолго до войны, поехал по назначению в Ташкент. И тётка решила, что надо ехать к нему, так как он был обеспечен жилплощадью. Вот тогда мы и эвакуировались в Ташкент, все вместе. Отец мой был на фронте уже. Мать с братом были в Одессе, а я в Кратово, под Москвой, у тётки.

*Откуда и как вы эвакуировались? Откуда и как эвакуировались ваши мама с братом?*

Я эвакуировалась с семьёй моей тётки. Мы поездом уехали в Ташкент, где у брата моего двоюродного была своя квартира, и мы остановились у брата. А моя мама с братом из Одессы на грузовой машине поехали в Харьков, а потом из Харькова они уже ехали дальше. Они узнали, что я в Ташкенте нахожусь, и с братом и с родной сестрой матери, вот этой с сестрой, которая жила в Одессе и с её дочерью, сын тётки был мобилизован в армию, они отправились в Ташкент за мной. Разыскали меня в Ташкенте, забрали и уехали в эвакуацию в Джамбульскую область. Мы жили на станции Бурное.

*Была ли тяжёлая дорога до Ташкента? В каком году вы эвакуировались? В каком месяце?*

Мы эвакуировались в 1941 году летом. Дорога была хорошей в то время ещё, мы ехали поездом, а моя мама из Одессы эвакуировалась на грузовой машине до Харькова, а там уже поездом до Ташкента.

*В это время работали магазины в Кратово?*

Магазины работали, и базар был.

*Расскажите, пожалуйста, про вашу жизнь в эвакуации?*

Мы поехали на станцию Бурное и сняли квартиру у одной хозяйки, она жила в одной комнате со своей дочерью. Вот в этой комнате жила я, с матерью и с братом. Мы прожили там недолго. Мама устроилась на работу преподавателем английского языка, в школе десятилетке преподавала английский язык. И там ей от железной дороги, эта школа была от железной дороги, ей дали государственную квартиру, комнату близко к железной дороге. Мы там жили, значит, нуждались мы страшно, кушать было нечего. И вот мы, на обед мама варила борщ из ботвы буряка, резала мелко ботву буряка и варила борщ. А потом делала лепёшки из шкурок от картофеля с отрубями. Вот так мы ели, а, кроме того, мама купила козу. И мы эту козу пасли. Я её доила, так что у нас было своё молоко. Ну, продуктов никаких не было. Мы покупали всё на рынке. Училась я в школе, закончила там 10 классов. И так как я закончила школу на отлично, уже закончилась война, меня без экзаменов, я послала документы в Одесский Медицинский институт и меня без экзаменов приняли в институт.

*В каких условиях вы жили в эвакуации на станции Бурное?*

На квартире у хозяйки у нас все удобства были во дворе. Тоже самое было и на государственной квартире. Как таковых удобств у нас не было.

*Чем занимался ваш брат?*

Мой брат тоже учился в школе. Я забыла сказать, что одновременно с учёбой в школе я ещё работала. Работала в библиотеке – библиотекарем.

*Были ли евреи, где вы жили?*

Там где мы жили, было много евреев, которые эвакуировались из Польши, польские евреи. Среди местного населения евреев не было.

*Вы как-то соблюдали еврейские традиции? И евреи, которые жили там вместе с вами, как-то соблюдали какие-то традиции еврейские? Ходили в синагогу?*

Польские евреи соблюдали все еврейские традиции. Я встречалась с молодым человеком – евреем из Польши. И он меня как-то пригласил на свадьбу. Я очень хорошо запомнила, что эту свадьбу проводили под хупой.

*Были ли среди ваших родственников или знакомых такие, которые не смогли эвакуироваться из Одессы? Какова их судьба?*

Из Одессы не эвакуировался двоюродный брат отца с женой. Они погибли в Одессе. А в Киеве погибли родители жены старшего брата.

*Сколько вы пробыли в эвакуации и когда вы вернулись в Одессу?*

Мы в Одессу сразу не вернулись. Товарищ моего отца работал в Симферополе связистом. Его в армию не взяли по состоянию здоровья. И он нам выслал вызов. Это было в 1943 году или в начале 1944 года, и мы поехали по этому вызову: я, мать и брат поехали в Симферополь и жили в Симферополе в Крыму. И когда уже наши войска продвигались на восток, то мой отец был в Крыму и, узнав, где мы, он нас в свою часть, он приехал за нами, в свою часть повёз, и там нас накормили хорошо, потому что мы очень голодали, вот. А уже из Симферополя я послала документы в Одесский Медицинский Институт, и

оттуда я одна поехала в Одессу. В Одессе я жила в своей квартире довоенной, но из двух комнат была свободна только одна, потому что вторую заняли при румынах. В этой комнате, где я жила не было четверти потолка. Я кнопками приклеивала газеты, чтобы не было видно небо. Холод был «собачий» и я так училась, в таких условиях. Я на ночь одевала меховую телогрейку, укрывалась с головой и так и спала, потому что отопления никакого не было. А питалась я, я луковицу большую нарезала, мелко нарезала в блюдец, поливала подсолнечным маслом, солила и за обе щеки уминала эту луковицу. И ничем не болела тогда.

*А когда мама с братом приехали в Одессу?*

Мама с братом ещё оставались в Симферополе некоторое время, а потом в начале 1945 года переехали в Одессу.

*А когда вы переехали из Симферополя в Одессу?*

Из Симферополя в Одессу я переехала в сентябре 1944 года. А занятия в институте у нас начались 1 октября.

*Как вы помните день Победы?*

Утром ко мне в дверь сильно постучали, и я спросонья не могла разобрать, что это такое, так как я была одета в халате тёплом, в телогрейке меховой. Пока я разделась и открыла дверь, то я услышала душераздирающие крики : «Победа». Было ли легко евреям поступить после войны в институт? Были ли в институте учителя евреи? Было ли много студентов евреев после войны в институте?

Поступали в институт без всяких проволочек: поступали и евреи, и все другие национальности. Ограничений тогда никаких не было. Евреев студентов было очень много и преподавателей тоже.

*Когда вернулся с фронта ваш отец?*

Мой отец не скоро вернулся с фронта, потому что после того, что наши войска были направлены с запада на восток на борьбу с квантунской армией. Он был направлен туда на восток. А потом, после этого только вернулся в Одессу.

*Когда это было?*

В сентябре 1945 года.

*Вы все вместе продолжали жить в одной комнате в этой квартире?*

Нет. Отец через жилуправление добился того, чтобы освободили нам одну комнату, ту которую заняли при румынах, и мы жили в своих двух комнатах в коммунальной квартире.

*Легко ли было устроиться на работу после войны?*

После войны легко было устроиться на работу. Нужно было только иметь специальность, а очень многие этой специальности не имели, и моя мать после войны заканчивала институт.

*А отец?*

Отец закончил институт давно до войны. И он после войны заведовал кафедрой. Он защитил кандидатскую диссертацию в Ленинграде и заведовал кафедрой электротехники в институте связи.

*Чес занимался ваш брат после войны?*

Мой брат после войны поступил в институт в связи, закончил его, получил назначение в город в Киев и по сей день там работает.

*Кем работает ваш брат?*

Мой брат работал в проектно институте, но так как он уже в возрасте, то сейчас он перешёл на пенсию.

*В каком институте работал ваш брат?*

Мой брат работал инженером в отделе в институте, в Гипросвязи.

*Как относились после войны к евреям в Одессе? Чувствовался ли антисемитизм?*

Я закончила институт в 1949 году и получила назначение в Краснодон Ворошиловградской области. И в связи с тем, что муж работал в Одессе, меня перевели в Одессу. Но в Одессе устроиться на работу было невозможно, потому что у же начался хороший антисемитизм.

*Вы что-то слышали о деле врачей? Была ли борьба с космополитизмом в то время?*

Я слушала радио, читала прессу и знала о космополитизме, и знала о деле врачей, и следила за этим.

*В каком году вы вышли замуж?*

В 1950 году.

*Скажите, пожалуйста, Рэмма Моисеевна, как вы познакомились с вашим мужем?*

Со своим мужем я познакомилась у себя дома во время встречи Нового года. Ко мне в квартиру ввалилась компания 30 человек и среди них мой муж будущий.

*Как звали вашего мужа?*

Коган Ефим Ефимович, 1920 года рождения, родился в Одессе, жил с матерью, потому что за 2 месяца до родов матери, отец умер. Он учился в университете Одесском на историческом факультете, увлекался шахматами, часто посещал Дворец пионеров, шахматную секцию, а потом стал профессионалом-шахматистом. Был кандидатом в мастера спорта, заслуженный тренер Украины, заслуженный тренер СССР, тренировал чемпионку мира по шахматам Елизавету Ивановну Быкову.

*Был ли он единственным ребёнком в семье? Кем был его мать, его отец?*

Об отце я ничего не знаю, потому что он умер за 2 месяца до рождения моего мужа, а мать, Коган Розалия Владимировна была директором детского сада. Постоянно она находилась на работе, и мой муж, её единственный сын был предоставлен самому себе.

*Где был ваш муж во время войны?*

Мой муж. Во время войны он закончил 4 курса университета и по указу Сталина все, кто должен был перейти на пятый курс, в эвакуации кончали институт. Одесский университет эвакуировался в Майкоп. И мой муж закончил в Майкопе университет. После этого его послали на курсы артиллеристов. Он закончил эти курсы, его направили на фронт. Он был командиром артиллерийской батареи, прошёл весь фронт и вернулся, после ранения, вернулся домой.

*В каком году он вернулся с фронта?*

Он об этом мне никогда не рассказывал.

*В семье вашего мужа какие-то еврейские традиции соблюдались?*

Нет, еврейские традиции не соблюдались и в синагогу ни он, ни его мать не ходили.

*Вы помните смерть Сталина?*

Помню, в этот день я с утра шла на работу, и по дороге об этом услышала, и шла, и плакала.

*Какая у вас была свадьба?*

Тогда были очень скромные свадьбы. Мы с мужем зашли в ювелирный магазин. Муж купил одно обручальное кольцо. Мы зашли в загс, расписались и пришли домой. Свадьба у нас была 3 дня. Родители так хотели. Первый день пригласили родственников, устраивали для них. Второй день пригласили, для своих

сослуживцев – мать работала в институте, и отец работал в институте. И третий день был для молодёжи.

*Где вы жили после замужества?*

Я жила на квартире у мужа.

*Какая это была квартира?*

Квартира была довольно плохая, потому что она была во дворе, рядом с дворовым туалетом, 2 маленькие комнатки, вход был в них через кухню. И мужу, так как он работал в доме офицеров и тренировал ещё сборную Одесского военного округа по шахматам и сборную Украины женскую по шахматам, ему округ дал квартиру. Вот на 5 станции Большого фонтана, где я сейчас и живу.

*В вашей квартире, где вы жили, какие там были удобства, в квартире у его матери?*

Когда я переехала туда, то кроме водопровода там ничего не было, даже не было туалета. И мы уже сами построили там туалет, и кладовочку для примуса, керогаза, потому что газа тогда не было.

*В каком году вы получили новую квартиру?*

Новую квартиру я получила в декабре 1961 году. Этот день я очень хорошо помню, потому что большего счастья для нас не могло быть.

*Какая эта была квартира?*

Квартира в 5-этажном доме, блочном, квартира из двух комнат со всеми удобствами.

*Когда и отчего умерли ваши родители и по какому обычаю их похоронили?*

Отец умер в 1986 году, у него была опухоль предстательной железы, а вообще он был очень больным человеком. Он был гипертоником, перенёс 2 инфаркта. Мать умерла в 1991 году. Она умерла, у неё был перелом шейки бедра. Она полгода лежала прикованной к постели. Собственно говоря, она умерла по старости. Ей было тогда уже 88 лет. Родители похоронены на Таировском кладбище. В 1973 году у меня умер муж. Он тоже похоронен на Таировском кладбище.

*Похоронены они по еврейскому обычаю?*

Нет, их не хоронили по еврейскому обычаю.

*Когда умерла мать вашего мужа?*

Мать моего мужа умерла в 1963 году. Она умерла по старости. Она была очень старым человеком. Похоронена она на еврейском кладбище.

*Расскажите, пожалуйста, как сложилась жизнь вашего брата в Киеве?*

Мой брат в Киеве работал, я уже говорила, в проектно институте, в Гипросвязи. И там в его отделе появилась молодая девушка, которая училась заочно в институте связи. До этого закончила техникум связи. Вот он стал с ней встречаться, а потом на ней женился. Они живут на Русановской набережной в Киеве, в небольшой двухкомнатной квартире. У них 3 дочки. Старшая дочь вышла замуж, у неё 2 сына, а средняя и младшая живут с родителями.

*Жена вашего брата еврейка? Ваш муж еврей?*

Мой муж еврей и жена моего брата тоже еврейка.

*Как зовут жену вашего брата?*

Клара Шимановна, а по фамилии Пеккер, её девичья фамилия.

*Кем она работает?*

Жена моего брата работает в проектно институте.

*Если у вас дети?*

У меня единственный сын, он закончил институт народного хозяйства, работает экономистом.

*Как зовут вашего сына, когда он родился?*

Моего сына зовут Александр, родился он в Одессе 25 июля 1952 года. Завтра ему 51 год.

*Женат ли ваш сын?*

Мой сын женат. Жена его – украинка, зовут его Таина, фамилия Верко – Таина Романовна Верко.

*Когда родилась жена вашего сына и кто она по профессии?*

Жена моего сына родилась 6 сентября 1950 года. Жила она в деревне, закончила она 10 классов школы, потом курсы фотоработников и работала в фотографии, а сейчас она работает в Одесском Универмаге.

*Вы знали что-то о смерти Михоэlsa, как его убили?*

Да, я слышала, что его убили в Белоруссии, и на него наехала грузовая машина. Слышали ли вы о том, что Сталин хотел выслать на север и Дальний Восток всех евреев?

Да, слышала. Даже слышала о том, что там строили бараки для переселенцев.

*После смерти Сталина к власти пришёл Хрущёв, он разоблачил Сталина, вы поверили в это разоблачение?*

В разоблачение я поверила по той простой причине, что я знала, каким образом был голод среди крестьянства. Знала о том, что происходило с 1933 по 1937 год и позже ещё в 1953 году, когда было дело врачей.

*В Краснодаре, куда вы поехали по назначению после окончания института, там было много евреев?*

В больнице, куда я поехала, там было 2 еврея. Они приехали по назначению из Днепропетровска – это жена и муж. Она работала травматологом в травматологическом отделении, а её муж рентгенологом в больнице.

*А кем вы работали в Краснодаре?*

Я получила назначение после окончания института в Краснодар, Ворошиловградской области, там я работала в больнице на 205 коек. Я работала ординатором инфекционного отделения, кроме этого я ещё на полставки работала на терапевтическом приёме в поликлинике.

*Сколько лет вы там проработали?*

Ровно год.

*В 1948 году Палестина превратилась в Израиль. Вы знали что-то об этом?*

В мае 1948 года Израиль стал независимым государством. Это я знала.

*В 70-х годах, когда начались отъезды, какая была обстановка в Одессе тогда?*

Значит, я знала об отъездах из Одессы, но их воспринимали, как предательство родине. Тех, кто уезжал называли их врагами народа.

*Как вы относились к этому?*

Наша семья не собиралась уезжать, а к отъезжающим я относилась нейтрально.

*Расскажите, пожалуйста, о ваших внуках и племянниках?*

У меня одна внучка, ей 14 лет, она школьница, перешла в 9 класс, зовут её Инга, а племянницы мои киевские все закончили институты. Старшая закончила, Ольга, ей 35 лет, она закончила пединститут. Средняя, Светлана, она закончила институт народного хозяйства. А младшая Юля закончила строительный институт – факультет менеджмента. Все они работают в Киеве.

*Как возродилась еврейская жизнь в Одессе?*

Я познакомилась с еврейской жизнью в Одессе, начиная с 1996 года. Я стала посещать библиотечный клуб, где бывают очень интересные выступления и

еврейских деятелей культуры, и писателей, и музыкантов, кроме того, я хожу в университет еврейской культуры. Университет еврейской культуры тоже находится на территории библиотеки, и библиотека еврейская тоже там, очень хорошая еврейская библиотека. Кроме того, я хожу, периодически приглашают на Шаббат – это в благотворительный центр «Гмилус Хесед». Он бывает по пятницам. Ну, кроме того, очень активную помощь оказывает нам благотворительный центр. Мы получаем и продовольственные посылки, кроме этого существуют программы. Вот в июне по этой программе я обращалась, по этой программе мне починили электроутюг, мне починили обувь, мне починили часы. Куратор, который меня курирует, всегда звонит, интересуется, как я живу, нуждаюсь ли я в чём-то. В июне месяце приходила бригада, которая занимается уборкой квартиры, и убрала мне квартиру.

*Есть ли какая-то еврейская жизнь в Киеве, где живёт ваш брат?*

Младшая дочь моего брата участвует в мероприятиях молодёжи в еврейской организации. Она участница еврейского ансамбля, еврейского. Она выступает в еврейском студенческом театре. Она интересуется всякими молодёжными программами. 2 года назад она по студенческому обмену ездила в Израиль.

*Уехали ли ваши родственники за границу, и чем они там занимались?*

У моей матери была дальняя родственница, семья которой уехала в Америку. Сама родственница умерла в Одессе несколько лет тому назад. Уехала её дочь с мужем, сын и дочь её. Муж вначале устроился на работу, немножко поработал, а потом распалась эта организация, и он сейчас не работает, а жена его по профессии математик, но она занята несвойственной ей работой. А сын работает инженером, а дочь в совершенстве владеет английским языком, она поступила ещё в институт, потому что она тут закончила 2 курса политехнического института, и она там заканчивает институт, но она там вышла замуж.

*Где вы берёте мацу на Песах?*

Мацу на Песах я получаю в тех посылках, в которых нам каждый месяц выдают. Нам выдают отдельно пакет килограммовый.

*Когда вы переехали из Краснодона в Одессу, было трудно устроиться на работу? Как вы устроились на работу и куда вы устроились на работу?*

Я устроилась на работу в четырнадцатую поликлинику, но это было, от поликлиники были здравпункты. Я вначале работала, заведовала здравпунктом на табачной фабрике и там проработала несколько лет. Потом на табачной фабрике закрыли медпункт и меня перевели на завод 16-го партсъезда. И я там проработала некоторое время, а потом меня забрали в поликлинику, и я одно время работала участковым терапевтом. Мой участок был возле Водного института на Торговой, во общем близко от поликлиники, а потом в 60-х годах я заболела миокардитом после гриппа и мне уже не разрешили ходить на вызовы и заниматься участковой работой. И я перешла на приём в поликлинику и работала терапевтом только на приёме. А в 1977 году меня назначили заместителем главврача по ВКК. На этой работе я проработала до 1983 года, а потом в поликлинике появилась вакантная должность, полставки врача ревматолога и я перешла работать на полставки, потому что я уже стала пенсионного возраста. Я получала пенсию и работала на полставки ревматологом.

*В какой поликлинике вы работали? В каком году вы ушли на пенсию?*

Я много лет проработала в 14-й поликлинике, и потом, когда поликлинику перевели на капитальный ремонт нас перевели в 30-ю студенческую поликлинику, где я и проработала до ухода на пенсию.

*В каком году вы ушли с работы, и вышли на пенсию?*

Я на пенсию ушла в 55 лет, а с работы я ушла в возрасте около 70 лет. Я 1 сентября 1995 года ушла на пенсию.

*Много ли евреев в том месте, где вы работали?*

В 14-й поликлинике я проработала много лет. Первым главврачом был еврей – Дмитрий Аркадьевич Царьковский, а среди врачей у нас 90% было евреев.

*Как вы проводили свободное время в послевоенное время и расскажите об этих фотографиях?*

У меня в 1973 году умер муж. До этого я ездила с ним, он ездил на соревнования шахматные. И он мне звонил с соревнований, и он мне показывал те города, где я никогда не была. Таким образом, я побывала в Прибалтике, видела Каунас, была таким образом в Тбилиси, потом я много ездила с мужем. А после смерти мужа я путешествовала по средней полосе России. С друзьями мы покупали заранее зимой путёвки. Либо путёвки в туристическом бюро Одессы, либо писали в туристические организации Пскова и других там городов, и получали путёвки после оплаты. Вот так вот. У меня есть одна фотография за 1984 год - это «Комплекс лыжников» Ворохта. Это катание на канатной дороге в 1984 году.

Одна из фотографий у меня есть, в возрасте 45 лет я снята.

*Отчего умер ваш муж?*

В 1973 году мой муж заболел, у него был франтит и гайморит. Его положили врачи в госпиталь на лечение. Он прервал своё лечение. И так как его назначили главным судьёй военных соревнований в Бельцах, он прямо из госпиталя отправился туда, на соревнования, и у него начался стафилококковый сепсис, от которого он и умер.

*Была ли семья вашего прадеда и прабабушки религиозной?*

Семья прадеда и прабабушки была религиозной. Они отмечали все еврейские праздники, они ходили в синагогу. Они своих детей тоже направляли на то, чтобы соблюдать еврейские традиции.

*Какой университет закончил брат бабушки Ицхок - Лейб?*

Брат бабушки Ицхок-Лейб был очень образованным человеком, очень грамотным человеком. Он закончил какое-то учебное заведение, но точно, какое, я не помню.

*В каком году умер Гершон?*

Гершон умер в 1920 году, но случай, который произошёл с радио был не в 1922 году. Я ошиблась тогда, а был в 1919 году.

*Расскажите, пожалуйста, о доме, где жила ваша прабабушка и ваш прадедушка, и ваша бабушка, и ваш дедушка? Вы можете, что-то рассказать о том, сколько там комнат, что это был за дом? Сколько этажей там было?*

Прабабушка и прадедушка жили в собственном доме. Там же после их смерти жили бабушка и дедушка. Дом был собственный. В нём было 3 комнаты и удобства, кухня и санузел были во дворе.

*Как похоронили бабушку Хаю и где?*

Бабушку Хаю похоронили в Новомиргороде по еврейскому обычаю.

*Ходил ли ваш дедушка в синагогу, носил ли он ермолку на голове?*

Дедушка Мордко был очень религиозным человеком. Он ходил в синагогу и носил на голове ермолку.

*Работал ли дед на еврейские праздники?*

На еврейские праздники он не работал. Соблюдал традиции еврейские.

*Где училась Розалия на провизора?*

Старшая сестра моего отца училась на провизора в Москве. Точно, я не знаю, было ли в Москве провизорское училище. Но мне кажется, что она именно это училище закончила.

*Когда Розалия уехала из Новомиргорода?*

В 1903 году она вышла замуж и уехала с мужем в Подмоскowie. Это станция Кратово Московской казанской железной дороги.

*Где учился Лев до университета? Когда Лев уехал из Новомиргорода? Когда Лев окончил Петербургский университет? Ведь до революции евреев не принимали в университет? Где Лев учился до университета?*

Лев до университета учился в хедере. Затем он учился в школе в Новомиргороде. Потом он уехал из Новомиргорода в 1910 году и поступил в Петербургский университет на медицинский факультет, несмотря на то, что тогда соблюдалась пятипроцентная норма приёма евреев в университет. Закончил он университет в 1915 году.

*Как Лев и Реввека пережили Отечественную войну?*

Лев и Реввека были эвакуированы в город Воткинск, в Россию. Льва в армию не мобилизовали в связи с тем, что у него была очень высокая близорукость, поэтому они уехали в Воткинск, и там он работал в больнице хирургом.

*После окончания института он уехал в село Глухов? Где это находится? Вы не можете сказать?*

Глухов находится в России.

*Где Гриша учился в Новомиргороде? Когда Гриша окончил медицинский факультет? Какой университет закончил Гриша? Где была Марьям во время ВО войны? Где работает Лидия? Ещё что-то о ней вы знаете?*

Гриша учился в Новомиргороде в начале в Хедере, потом в школе. В 1915 году уехал в Киев, закончил в Киеве медицинский факультет и окончил его в 1920 году. Гриша во время войны был на фронте, был тяжело ранен и из-за ранения умер. Его жена Марьям во время войны была в Воткинске. Она окончила курсы медсестёр и работала медсестрой. Его дочь Лидия родилась в 1930 году. Она была единственной дочерью в семье. Много внимания и участия в её воспитании принимал отец. Она окончила школу и поступила в Горный институт города Кривого Рога, куда она переехала к своему двоюродному брату и жила у него. Потом, она окончила институт, но по специальности не работала. Она работала воспитателем в детском саду. Сейчас она на пенсии, не работает. У неё двое детей. Старший Гриша и младшая дочь Светлана. У каждого из них свои семьи. У Гриши 3 детей, у Светы двое детей. Они переехали на постоянное место жительства, дети, в Германию.

*Брат вашего отца Яков, где учился в Новомиргороде? Когда уехал он из Новомиргорода в Ленинград?*

Яков учился в Новомиргороде вначале в хедере, а затем в школе. Уехал он из Новомиргорода в Ленинград в 1920 году, там же учился, получил инженерное образование и работал технологом.

*Анатолий жил с семьёй отца в Кировограде и в Одессе? Когда Анатолий окончил институт связи? Анатолий, брат вашего отца был на фронте? Когда умер Анатолий? В каком году?*

Младший брат моего отца Анатолий жил с семьёй отца в Кировограде, затем в Одессе. Ему было 15 лет, когда мои родители поженились. Анатолий окончил

институт связи в Одессе в 1931 году. На фронте он не был, так как он работал начальником краевого управления связи Дальнего Востока. Умер он в 80-е годы.

*Учились ли братья отца в хедере?*

Старшие братья учились в хедере, а младшие нет.

*Когда отец окончил институт и стал зам. декана, в каком году?*

Отец окончил Одесский институт связи в 1932 году. А стал зам. деканом в 1934.

*Сестра вашей мамы, Марьям училась в русской школе?*

Родная сестра моей матери Марьям Ицко-Лейбовна получила образование в русской школе, а затем она работала секретарём на обувной фабрике.

*Когда Моисей, брат вашей мамы окончил институт иностранных языков?*

Родной брат моей матери Моисей окончил институт иностранных языков в Одессе в 30-е годы.

*В селе Малая Виска, где жила и родилась ваша мама, была семилетка, десятилетка, какие школы там были, и какую из этих школ окончила ваша мама? Скажите, пожалуйста, ещё, кроме того, что она окончила русскую школу она ещё получила, какое-то религиозное еврейское образование?*

Моя мама закончила семилетку в Малой Виске, а религиозное образование она получила в семье. Она прекрасно говорила на идиш, и когда ей нужно было, что-то от меня скрыть, то они с сестрой говорили только на еврейском языке.

*Что было с братом и сестрой матери, когда они уехали из Малой Виски?*

Мама уехала из Малой Виски в 1924 году в Кировоград, тогда она вышла замуж, и поэтому, собственно говоря, она и переехала. Марьям в 1922 году тоже вышла замуж и переехала в Одессу, а Моисей переехал в Одессу в 1928 году.

*Когда отец вступил в комсомол?*

Отец вступил в комсомол в 1919 году.

*Опишите внешность вашей мамы?*

Мама была среднего роста, щупленькая, мелкие черты лица. Все говорили, что она похожа на гречанку. Она была шатенкой, карие глаза. Вообще она была очень умным человеком. Добрая, внимательная, отзывчивая, всегда помогала нуждающимся. К детям, а нас было двое в семье, я и брат, относилась она очень внимательно, но воспитанием детей, в основном, занимался отец, потому что мать, кроме работы, у неё был дом, на её, так сказать плечах и хозяйство.

*Рэмма Моисеевна, вы не могли бы рассказать о вашем детстве, которое прошло в Одессе до войны, подробнее.*

Значит, я родилась в городе Кировограде, и до трёх лет мы жили с родителями в Кировограде. Отец и мать мною мало занимались и почти никогда не гуляли, потому что в квартире была домработница. Эта домработница прожила у нас 3 года. Помню, я её смутно, но она была мало собранным человеком. Запомнила я только такой случай. В комнате у нас на полу стояла консервная банка, и я, надела калоши мамины, и в калошах пошла по квартире, и упала на эту банку и разбила себе лоб. И так, по сей день, у меня остался на лбу шрам. В трёхлетнем возрасте мы переехали в Одессу, это был 28-ой год. Но мы жили в коммунальной квартире, кроме нас ещё одни соседи, очень интеллигентная русская семья, которая меня воспитывала, потому что родители были на работе. Вот эта семья, эта семья жила с нами в коммунальной квартире, а в нашем доме, в подвальном помещении жила еврейская семья, Боднер. Очень нуждающаяся люди, у них была большая семья, муж с женой и четверо детей: три сестры и брат. Сестёр звали, старшая была Фрима, потом шла Роза и потом Меня, и брат

Самуил. Так как родители работали, и не на кого было меня оставлять, то они меня приводили утром в эту семью, и я у них пол дня проводила. Они до того нуждались, что кормили меня макухой. В последствие, во время войны, старшая из сестёр вышла замуж за польского еврея, они переехали все в Польшу. А потом эта же сестра переехала в Америку, а младшие две сестры уехали в Израиль, и сейчас младшие две сестры живут в Израиле и одна из них со мной переписывается и часто звонит по телефону.

*Какова была роль той семьи, которая была соседями с вами по коммунальной квартире в то время?*

Семья состояла из трёх человек, отца с матерью и взрослой дочери. Отец был этнографом. Он ездил часто в экспедиции, его дочь была художницей, а мать не работала, была дома, занималась хозяйством. Вскоре после войны отец умер. Даже не после войны, а во время войны отец умер. После войны умерла мать, а дочь переехала, у неё родственники жили в Ленинграде. Она переехала в Ленинград и работала художницей на фарфоровом заводе. У нас в доме, мы жили на улице Ольгиевской на третьем этаже, а на первом этаже жили ещё и соседи, с которыми родители были в хороших отношениях. Это тоже была русская семья, он работал врачом гинекологом. Детей у них не было. И вот они каждый Новый год устраивали ёлку специально для детей и приглашали детей и своих знакомых, и нас, соседей. Мне очень запомнились эти ёлки, потому что на каждой мы получали подарки. Но школьные годы прошли у нас весело, дружно. У нас во дворе дети соседей устраивали театр, школьный театр. И вот мы очень готовились, нам даже сцену устроили во дворе. Мы очень готовились, выступали. Вообще настроение было чудесное. Ну, а потом запомнилась мне Одесса по тёплому климату. Особенно весной вот в марте месяце, когда таял снег, текли ручьи и дети все играли в снежки ещё. Очень много детей было у нас во дворе, и детство прошло в основном во дворе. Правда, мой отец любил театр и меня, школьницу водил в театр. Выходя из театра, я напевала знакомые арии. В школе любимыми моими учителями были: математик, Стоянов Георгий Христофорович и преподавательница русского языка и литературы, Кирьякова. Её отец был известным художником в Одессе. Даже в художественном музее выставляются его картины. Очень любила я художественную литературу, эту любовь привила нам преподавательница русского языка и литературы. Естественно, любила очень Пушкина и Лермонтова, очень любила Чехова. Читала Киплинга, читала, ну многих русских писателей.

*Знали ли об истории вашего отца в школе, репрессиях? Вступили ли вы в комсомол? Были ли Ланг и Эйзенгхт евреями?*

У отца были 2 закадычных друга, Давид Исаакович Ойгензихт - еврей и Ланг Юрий Робертович - он был немцем. Давид Исаакович Ойгензихт погиб во время ВО войны. Он в совершенстве владел немецким языком и был переводчиком, а Юрий Робертович Ланг в армии не был, потому что у него был удалён один глаз. Он работал по связи в Крыму во время войны после того, что наши войска освободили Крым. И он же из эвакуации вызвал нас в Симферополь. В 1937 году, когда у отца начались неприятности на работе, в школе у меня никто об этом не знал. Но в комсомол я не вступила, как-то об этом даже не шла речь в классе.

*Какие у вас были отношения с братом в детстве?*

С братом в детстве у нас были очень доверительные отношения. Когда брат стал ходить в детский сад, я водила его в детский сад, а родители его уже забирали из детского сада. Когда он поступил в школу, а в школу он ходил в ту же, что и

я, в 28-ю школу, то мы вместе ходили в школу. Ну а в помощи в уроках он не нуждался. Он был очень развитым мальчиком.

*Какие были удобства в эвакуации: кран или колодец там был? Чем вы пользовались? Во дворе были удобства или нет?*

В эвакуации мы жили прямо на железной дороге. Нам от железной дороги дали одну большую комнату, которая отапливалась дровами. Удобств в квартире не было. Удобства были во дворе: кран и туалет.

*Расскажите о вашей школе в эвакуации? В какой школе вы учились?*

Так как я в начале войны поехала в Москву, меня поощрил отец за отличную успеваемость, и в 1941 году, в июне месяце я очутилась в Москве и вместе с родной сестрой отца эвакуировалась в Ташкент. Там начался учебный год, и я со своей двоюродной сестрой сидели дома, не учились в школе, потому что тогда объявили о платном обучении. Когда моя мать с братом приехали в Ташкент, мы эвакуировались в южный Казахстан, на станцию Бурное. Вот там была школа - десятилетка. Вот тогда лишь я пошла в школу. В школе были очень хорошие, квалифицированные учителя. Одна педагог физики была из Ленинграда. Очень интеллигентный, культурный человек. Ну, школьники по своему развитию были разными, потому что в школу ходили ученики из разных сёл. Кроме того, что я училась в школе, так как мы нуждались материально, я работала в библиотеке библиотекарем. Там в то время у меня друзей не было, потому что дети из сёл, они материально были обеспечены, у них были свои хозяйства, а у нас ничего не было. Мы жили на квартире и получали карточки. Брат мой со мной одновременно учился в школе.

*В каком классе учился ваш брат в эвакуации с первого года?*

В эвакуации он учился со второго класса.

*Почему отец не прислал вызов в Симферополь, а прислал его друг?*

Отец в это время был на фронте, а друг его вызвал нас из эвакуации в Симферополь, и там же в Симферополе, вот это он нам прислал вызов, друг.

*Когда ваш брат Юра вернулся в Одессу, в какой пошёл он класс? Когда он окончил школу, в каком году? Каковы были ваши отношения с братом?*

После эвакуации брат в Одессе поступил в 6-й класс школы. Закончил он школу в 1950 году. Отношения наши были прекрасные. Мы понимали друг друга. Мы уважали друг друга. У нас были очень тёплые, дружественные отношения. Я уже тогда была студенткой, а он заканчивал школу в 1950 году.

*В каком году вы уехали в Краснодар? Дружили ли вы там с евреями? В каком году вы вышли замуж?*

Я окончила институт в 1949 году. И так как я очень любила картошку, мать, когда я шла получать назначение, говорила мне: «Просись в картофельный район». И мне дали назначение в Ворошиловградскую область, город Краснодар. Там я работала с 1949 года. В 1948 году я познакомилась со своим будущим мужем и в 1950 году я вышла замуж. Но получилось так, что я расписалась и ещё поехала дорабатывать в Краснодар. Расписалась я в Одессе. Затем мой муж, через министерство здравоохранения, открепил меня от работы в Краснодаре. В Краснодаре я работала в больнице на 305 коек. У нас в больнице работала еврейская семья. Елизавета, так она работала травматологом, и её муж в больнице работал рентгенологом. Вот с ними я дружила. Они сами были из Днепропетровска.

*Рэмма Моисеевна, вы рассказывали, что когда умер Сталин, вы плакали, почему, ведь ваша семья так пострадала во время репрессии, вашего отца сняли с должности зам. декана?*

Понимаете, тогда я не очень думала об этом. Это было просто неосознанно. Я шла на работу, и шли люди, и все буквально плакали. Это была, очевидно, политика правительства такая, и это на меня действовало.

*Каково ваше отношение было к антисемитским процессам, которые были в то время, к «Делу врачей», убийству Михоэлса, к борьбе с космополитизмом?*

Вы знаете, я тогда была уже взрослым человеком, я была осознанным человеком, и я очень переживала всё это. Я читала газеты и я понимала, что это всё просто связано с антисемитизмом. Особенно смерть Михоэлса.

*Вас как-то затронуло основание государства Израиль в 1948 году? Какие чувства вы испытывали при этом?*

Государство Израиль образовалось в 1948 году. Я когда тогда была студенткой мед. института, а у нас в институте в основном были студенты еврейской национальности, но мы как-то не реагировали на это.

*Как вы жили в 60-е годы, какие праздники праздновали? Были ли у вас друзья? Ходили ли вы в гости к ним? Отмечали ли вы какие-то дни рождения в семье, дни рождения друзей, родственников, близких? Как это было принято в вашей семье? Какие книги вы читали? Ходили ли вы в театр? Каким был достаток в вашем доме? Когда вы купили первый телевизор? Была ли у вас дача, машина? Могли ли вы позволить себе ехать с вашим мужем в отпуск?*

В 60-е годы у нас очень содержательная, интересная жизнь была. Во-первых, мы праздновали все советские праздники: 1 мая, 7 ноября, и Новый год и день Победы и дни рождения всех членов семьи и всех родственников. Родственников мы всех очень любили и обязательно поздравляли их. Ходили в гости, у нас много, так как муж работал в округе, в «Доме офицеров» и в «Спортивном клубе армии», то у нас по работе мужа было очень много друзей, причём друзья, которые были именитые, мастера спорта, заслуженные тренеры СССР. Интересно мы проводили время. Ходили в театр, ходили на концерты. Муж вообще очень любил классическую музыку и из своих поездок всегда привозил пластинки с набором опер, классических опер, и мы, у нас был проигрыватель, мы их слушали. Потом муж, когда был в поездках, он покупал все литературные новинки, и, когда я его встречала, то из поезда выходил мой муж с двумя авоськами: в одной авоське были пластинки, в другой авоське были книги. Ну, в отношении достатка: мы оба с мужем работали. Кроме основной работы у мужа были ещё лекции платные, так что мы материально не нуждались. Купили первый телевизор в 60-е годы, муж был в командировке в Москве, и из Москвы привёз телевизор. Дачу мы снимали всегда, так как сын был маленький, то ради него и ради моего отца, который очень был больным человеком, мы снимали дачу. Обычно снимали на Большом Фонтане. В отношении отпуска моего, вообще, когда муж уезжал куда-то в командировки, на турниры шахматные, то к концу турнира он мне звонил по телефону, и я выезжала к нему, в тот город, где он был, и мы проводили там после турнира время. Так я была в Ленинграде, так я была в Тбилиси, была в Прибалтике. Так что я много посмотрела. А кроме этого, уже после смерти мужа, мы с друзьями ездили по туристским путёвкам ежегодно по Средней полосе России.

*Как в вашей семье было принято отмечать дни рождения?*

К каждому дню рождения мы заблаговременно готовились. Во-первых, отмечали тех, кто у нас должен быть из гостей, во-вторых, обязательно обсуждалось меню и, в-третьих, в основном это было застолье с интересными разговорами, с интересными людьми.

*Был ли в 60-е годы в Одессе еврейский театр? В какой театр вы вообще ходили?*

Еврейского театра в Одессе в это время уже не было, очень любила я русский театр и ходила почти на все постановки, особенно на известных актёров.

*Расскажите, пожалуйста, о вашей квартире, устраивали ли вы новоселье, как вы обставляли вашу новую квартиру?*

В свою новую квартиру мы переехали в 1961 году. Квартиру эту нам выделил округ. Квартира двухкомнатная со всеми удобствами. Как мы обустраивали её, это была целая история. Муж поехал на турнир в Москву и там, я приехала к нему в Москву, и мы пошли выбирать мебель. Тогда из Москвы нельзя было вывозить мебель. Но муж подошёл к директору магазина, показал своё удостоверение заслуженного тренера СССР, и ему разрешили вывезти румынский гарнитур. Он у нас стоит, и по сей день, с 1961 года, уже 42 года. Новоселье, когда мы переехали в эту квартиру, мы устраивали пышное новоселье. У нас гуляли, наверное, с 7 часов вечера до 7 часов утра. Была интересная встреча с интересными людьми. А кроме этого у нас было 2 гитариста, гитары и певица, так что нам было не скучно.

*Эти гитаристы и певица были из числа ваших друзей?*

Да, это были наши друзья, очень близкие друзья.

*Почему вас сейчас заинтересовала еврейская жизнь?*

Когда началась еврейская жизнь в Одессе, я стала задумываться о своей национальности, интересоваться всем связанным с этим: культурой, историей, культурой, обычаями. Я хожу в университет еврейской культуры при организации «Мория». Кроме того, хожу в библиотечный клуб, там бывают очень интересные встречи с писателями, с поэтами, с музыкантами, работниками культуры, видными профессорами города. Вот таким, например, как профессор Максименко, который является академиком в Политехническом институте, а, кроме того, он увлекается искусствоведением, и читает нам очень интересные вещи, кроме того, иногда приносит на презентацию свои книги по культуре, о музыкантах, о певцах.

*Отмечаете ли вы теперь еврейские праздники?*

Еврейские праздники я отмечаю в этих организациях. Вот Новый год, в сентябре месяце, мы праздновали в университете еврейской культуры. Кроме того, мы отмечали праздник Суккот сейчас.

*Кушаете ли вы теперь мацу на Песах?*

В прежние времена, когда мы не отмечали еврейские праздники, то я мацу не кушала, а теперь мы ежемесячно получаем посылки, и в этих посылках к празднику мы получаем пакет мацы. Я с удовольствием его ем.

*Расскажите, пожалуйста, о вашем сыне? Как он рос, болел ли, ходил ли в детский сад, пошёл ли он в школу, в каком году он пошёл в школу, сколько ему было тогда лет? Были ли у него друзья? Не ощущал ли он тогда антисемитизм в школе? Ощущал ли он себя евреем?*

Мой сын родился в июле 1952 года. В начале мы жили с моими родителями. Так как мы все работали, то у него была нянька, причём ни одна, а каждый раз менялись, потому что они были молодыми и не очень хотели с ним гулять, и всё. А потом мы его отвозили, когда нянек уже не было, мы его отвозили к матери мужа. И на то время, что мы были на работе, ребёнок был с бабушкой, а потом мы его вечером уже привозили домой. Рос он, ходил он в детский сад, причём ходил неохотно, часто болел. Особенно часто болел ангинами. Один раз он болел корьевой краснухой. Причём я гуляла с ним в садике, и он обнял

девочку, которая болела краснухой, и от неё заразился. Пошёл он в школу в 1959 году. Он был очень общительным мальчиком, и у него в школе были друзья. Но эти друзья были, в основном, по дому, потому что он менял школы. В начале он был в 5-ой школе, потом он перешёл в другую школу, поэтому друзья долго не задерживались. Школы он менял по простой причине. Я уезжала в командировки, меня посылали на месяц, на 2, так как я врачом работала, то меня посылали в те районы, где врач уезжала на курсы повышения квалификации. И на это время я сына оставляла у родителей, а родители его переводили в школу близлежащую.

Я говорила, что при рождении сына мы вначале жили у моей матери, потом мы переехали жить к матери мужа. В школе сын не ощущал антисемитизма, но евреем он себя не ощущал.

*Расскажите подробнее об отношениях в семье, о вашем маленьком сыне.*

Мы летом, я уже говорила, снимали дачу, и всё лето проводили на даче. Я, приезжая после работы или в выходные дни, ходила на пляж, вместе с ребёнком, он загорал там и купался, мы его оздоравливали. Но у него, когда он заканчивал школу уже у него был один закадычный друг, Юра Башлыков, русский мальчик, они продружили с ним все годы институтской жизни, потому что они оба поступили в один и тот же институт и дружили семьями потом уже, когда поженились. К сожалению, его товарищ умер в возрасте 41 года, внезапно умер. Мой сын был очень привязан к мужу, так как муж был очень развитым человеком, он прекрасно знал литературу, искусство, музыку, историю. И сыну было с ним очень интересно. Но, к сожалению, виделись они редко, потому что из года, полгода муж уезжал на соревнования.

*Расскажите о жизни вашего сына до поступления в институт. Легко ли было сыну еврею поступить в институт?*

До института сын очень увлекался музыкой, причём лёгкой музыкой. До института он закончил музыкальную школу. Он закончил семилетку музыкальной школы, и увлекался музыкой, и играл у нас пианино было дома. Потом он пошёл в армию, и после армии он уже к пианино не подходил. Слух у него очень хороший. Когда сын поступал в институт, то он не чувствовал, что он еврей его приняли по знаниям. В 1969 году сын поступил в институт народного хозяйства на факультет экономика труда. Он его закончил и получил назначение в «Одесснабсбыт» в Одессе. Проработал там некоторое время, потом он перешёл работать в строительную организацию, забыла, как называется, но в строительной организации он проработал начальником отдела снабжения. Потом он работал системе МВД тоже работал – экономистом работал, а потом он работал в Московском отделении наук в Одессе – экономистом. Когда Советский Союз распался, то он работал в украинском отделении академии наук в Одессе, а потом их организация распалась, и он остался без работы. И когда он остался без работы он никак не мог устроиться по специальности, и он пошёл работать в книжку. Книжка – это частное предприятие.

*Кем он работает сейчас?*

Он работает реализатором книг.

*Когда женился ваш? Не смущает ли то, что его жена не еврейка и работает продавцом? Где живут ваш сын с семьёй? Как складывались ваши отношения с невесткой?*

Мой сын женился в 1988 году. Жена у него украинка. Она очень хороший, отзывчивый человек. Они живут с семьёй на улице Романа Шухевича в Одессе в

трёхкомнатной квартире, отдельной, самостоятельной. Отношения с невесткой у меня прекрасные. Родной брат мне говорит, что она больше тебе, чем дочь.  
*Когда родилась внучка? В какой школе она учиться сейчас? Считает ли она себя еврейкой?*

Внучка родилась в июне 1989 года. Учиться она в престижной 119-й школе. Это первая гимназия. Еврейкой она себя не ощущает.

*Сколько лет вашим племянницам?*

Дети моего родного брата – племянницы живут в Киеве. Старшей 37 лет её зовут Ольга, Светлане 32 года и Юленьке 23.

*Какие сейчас у вас отношения с вашим братом?*

У нас с моим братом очень хорошие отношения. Мы понимаем друг друга. У нас доверительные отношения. Он очень добрый, умный и отзывчивый человек. Приезжает, когда я к сожалению часто болею, и когда я болею, то он из Киева приезжает сюда и ухаживает за мной.

*Была ли у вас машина?*

Машины у нас никогда не было.

Рэмма Моисеевна, спасибо за рассказ о вашей жизни.

*Рэмма Моисеевна, спасибо за рассказ о вашей жизни.*



